

18+

Андриенко Н. В.

Товарищ Император

Николай Андриенко
Товарищ Император

«Издательские решения»

Андриенко Н. В.

Товарищ Император / Н. В. Андриенко — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Товарищ Император» — это история о том, что эффективность не заменяет душу. Что план не защищает от боли. Что человек — не цель и не средство. И что после всего ада можно упасть в сугроб, смотреть на снег и улыбаться. Потому что всё по плану.

Содержание

Книга 1	6
1.1 «Das Man»	6
1.2 «Перепутье»	15
1.3 «Всё как у людей»	19
2.1 «Кто контролирует всё»	26
2.2 «Марш»	36
2.3 «Линия жизни»	43
3.1 «Всё по плану»	49
3.2	53
3.3 «Ангел без крыльев»	60
4.1 «Абсурд и вечность»	66
4.2 «Здравствуй, чёрный понедельник»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Товарищ Император

Николай Владимирович Андриенко

© Николай Владимирович Андриенко, 2026

ISBN 978-5-0071-0986-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1

1.1 «Das Man»

— Ну что?

— Время умирать...

Ничего не произошло. Ни доли сомнений, ни противоречий, ни искры печали. Только голова налилась тяжестью, точно опухла от мыслей. «Ещё одна преграда на пути?» — мелькнуло у него.

— Зачем так сразу — эксцентрично, трагедия? — скривив улыбку, сказала она. — Мы же нормально общались, и дальше бы всё так и осталось.

У этой девушки была странная привычка, защитный механизм: когда происходило нечто из ряда вон выходящее, она кривила губы, точно птица. Хищная птица?

Автобус остановился.

Двери разъехались с глухим стуком, выпуская на волю горстку пассажиров. Последним вышел подросток.

На серовато-синем небе начинал проявляться закат — не блёклый, а густо-фиолетовый, с оранжевой полосой у самого горизонта, там, где солнце уже наполовину утонуло в постройках. Снег лежал вдоль дороги — не свежий, скорее серый, присыпанный у обочин чёрной крошкой. В сугробах отражалось небо.

Если прищуриться, можно было представить, что идёшь по краю мира.

Город был погружён в своё спокойное, размеренное течение. Скоро по улицам потянутся уставшие люди, измождённые работой и добитые внутренними трудностями.

Серость — единственный цвет их спектра.

Идут они, точно за чем-то, за каким-то невидимым символом. Словно муравьи по натянутой струнке, один за другим, не видя ни других, ни, быть может, самих себя. Казалось, весь мир застыл на перепутье, а люди всё шли и шли, не перешагивая ни в полную тьму, ни в яркий свет.

Подросток смотрел на них секунду. Потом перевёл взгляд на небо и усмехнулся уголком рта.

Он двинулся вперёд. В руке — грамота, свёрнутая в трубку. Через плечо — сумка, еле державшаяся, сползавшая при каждом шаге. Гордо идя, он и не думал привести её в нормальный вид: застегнуть, перекинуть ровно. Сумка болталась в такт шагам. Он не замечал. Он был полководцем, возвращающимся с победы, а не пешеходом с багажом.

Автостанция осталась позади. Рядом — торговый центр. У входа — пусто. Только ветер гонял обрывок чека. Оглянувшись, можно было увидеть террикон — тёмный, конусообразный, поросший редким кустарником. Он разделял городскую часть и частный сектор, как немой пограничник. Летом на него часто забирались. Сейчас он спал под снегом.

Парень прошёл мимо рынка. Знакомые ряды — железные прилавки, сейчас пустые, затянутые полиэтиленом. Сейчас — тишина.

Полиэтилен хлопал на ветру. А где-то в самой глубине, уже на возвышенности, стояла церковь. Она освещала своими куполами этот угол человеческой культуры и торговли.

Он шёл и оглядывал уже много раз пройденные места. Не от того, что они ему как-то особенно нравились. Сама суть его в этот момент радовалась. Даже если это ненадолго. Даже если завтра снова в бой.

Переход дороги. Светофора нет. Нога вступила на асфальт.

Парк встретил его голыми деревьями. Чёрные ветки переплетались над головой, как трещины на стекле.

Парк был расположен на островке, окружённом дорогами: половина более-менее выстроенная, с ровным асфальтом и фонарями, другая — в дырах, с колдобинами, в которых после дождя стояла вода, а сейчас — лёд.

Закат ещё держался. Фиолетовое небо темнело с каждой минутой, и фонари вдоль аллеи уже начинали разгораться — тускло, нехотя, как будто пробовали свет на вкус. Один из них мигнул и зажёгся. Его пятно на снегу было похоже на пролитую краску — ядовито-жёлтое посреди всеобщей синева-серой мглы.

Скоро пойдёт снег.

Скользко.

Подросток ускорил шаг. Плечи расправлены. Взгляд вперёд.

Лёд.

Правая нога ушла вперёд. Левая — назад. Руки взметнулись в воздух, грамота вылетела, сумка подпрыгнула. Мир перевернулся.

Удар об асфальт.

Пару секунд он лежал и ничего не понимал. Небо над ним было фиолетовым. Ветки — чёрными. Снег — холодным.

«Всё по плану».

Он поднялся. Стряхнул снег с брюк. Подобрал грамоту. Перекинул сумку ровнее — впервые за весь путь. Взглянул на солнце. Оно ещё держалось. Пошёл дальше, ещё уверенней.

Аллея кончилась. Переход. Несколько магазинов с утратившими цвет вывесками. Вывеска «24 часа» выцвела, а слово «часа» полностью стёрлось, потерявшись во времени. В окошке — никого. Только свет горел тусклый, жёлтый, больной.

У ларька стояли трое стариков. Не пили. Не говорили. Просто стояли, как памятники самим себе. Один опирался на палку. Второй смотрел на ценники, будто искал что-то, чего там никогда не было. Третий мямл в руках пустой пакет.

Прошедшее время, прошедших людей.

Чуть дальше начинался спуск — пологий, но скользкий. Лёд, присыпанный снегом. У края стояла бабушка — маленькая, сухонькая, в съехавшем набок платке. Две пятилитровые баклажки с водой стояли у её ног. Она смотрела на склон и не решалась шагнуть.

— Давайте помогу.

Бабушка обернулась. Прищурилась.

— Да я сама, внучек. Тут идти-то...

— Скользко. Давайте.

Он взял баклажки — одну, другую. Тяжёлые. Ледяная вода плеснула внутри. Бабушка потяпала рядом, хватаясь то за его локоть, то за воздух.

— Вот спасибо тебе. А то я смотрю — гололёд. Думаю: ну как я? А тут ты. Сразу видно — воспитанный.

Он не отвечал. Просто шёл. Баклажки оттягивали руки.

Спустились.

Асфальт.

Он поставил баклажки на землю. Бабушка заглянула ему в лицо — снизу вверх, щурясь.

— Дай Бог тебе, сынок.

Он встретил её взгляд. Не отвёл.

— Спасибо.

Путь его продолжался.

Переход через железную дорогу.

Рельсы ржавые, заросшие сухой травой, которая торчала из-под снега жёсткими пучками. Шпалы кое-где просели. Поезда не ходили лет пять. Дорогу использовали как тропинку — через неё шли в школу, в магазин, на работу. Этот подросток проходил здесь сотни раз. И каждый раз думал одно и то же: руины могущественной цивилизации.

Если пройти чуть дальше, то можно найти разрушенный пост. Маленькое кирпичное здание с пустыми окнами. Раньше здесь сидел человек и поднимал шлагбаум. Теперь шлагбаума не было. Человека не было. Только стены, граффити и битое стекло под ногами.

Подросток остановился у камня — большого булыжника, вросшего в землю. Камень разделял перепутье: налево — к больнице, направо — к дому, прямо — через балку, туда, где собаки собираются стаями и пугают прохожих.

Он завязал шнурки. Проверил, не выпало ли что из сумки после падения.

Всё на месте. Пошёл направо.

Спуск. Узкая тропинка. Снова лёд. Снова поскользнулся, но удержался.

У угла подъезда, там, где кончался асфальт, лежала собака. Дворняга. Серо-рыжая, с одним рваным ухом. Лежала на куске картона, свернувшись клубком. Не спала — просто лежала и смотрела в никуда.

Шаги замедлились. Собака перевела взгляд — не залаяла, не шевельнулась. Просто смотрела в ответ.

Спокойно. Без надежды и без страха.

— И всё же.

Собака моргнула. Шаги двинулись дальше.

Дверь подъезда. Напротив находился стол, грубо сколоченный, с облупившейся краской. Летом за ним сидели нелюдимые личности. Пили и спорили. Сейчас — пусто. Только пустая бутылка, припорошенная снегом, и окурки, воткнутые в щель между досками.

Дальше — гаражи. На дороге перед ними — ямы. Глубокие. Чёрные. Каждый раз, проезжая их, машины стачивали подвеску. Орудия прогресса умирали здесь — не в бою, а от простой бюрократической лени и недостатка финансов.

Дом. Тяжёлая железная дверь. Парень открыл её, прозвучал глухой стон петель. Внутри — полумрак. Запах старого дома: не грязный, но спёртый, как в шкафу, который давно не открывали.

Лифт не работал.

Четвёртый этаж. Ключ в замке. Два оборота.

Наконец войдя в свою квартиру и распахнув перед собой все возможности — то есть, отодвинув всех и вся, — человек стремительным маневром занял стратегически важную позицию и погрузился в заслуженный отдых.

Обычно в такие дни не хотелось делать ничего (особенно ученикам). Если бы не одно обстоятельство: день стал знаменательным. Завтра будет окончена четверть.

Нет ничего, что могло бы так обрадовать неискушённого школьника, как возможность вырваться из злополучного круга ада. Настроение взлетело до небес. Его тревожило и одновременно будоражило одно-единственное, ещё не осознанное чувство, пробившееся из самых глубин души. Наконец-то должно было случиться нечто масштабное! Разумеется, масштабное относительно привычного темпа жизни.

Пребывал в этих великих суждениях Н, воодушевлённо развалившись на диване, и уже порядочно отдохнув. В его смысле это было отдыхом, хотя по большей части он занялся активной деятельностью по выполнению плана. Обитал он в своей не менее великой комнате. Небольшой, недавно отремонтированной, но уже заставленной всем, что пронизывало его мысли. Почему великой? Всякий, кто сюда заходил, готов был рухнуть, сражённый горами книг, написанных великими людьми, и полкой, что чудом держала эту громаду. Стоит заметить, что он, пренебрегая всей логикой и здравым смыслом (или, как он выражался, —

бросая вызов судьбе), спал и проводил всё своё время на кровати, расположенной прямо под этой полкой.

Сложно говорить о таких личностях, как лежащий перед нами персонаж. В принципе, о человеческой душе можно рассуждать бесконечно, чтобы в конечном счёте не найти ровным счётом ничего. Полный ноль. Изучать её под микроскопом, разбивать все попытки о скалу — и так не найти под этой горой огранённый алмаз... Большой глупости и представить было трудно! Смотреть на предмет и говорить, что его нет!

Предаваясь подобным размышлениям (конечно, не вслух — сходить с ума ему было ещё рано), Н резко вскакивал, брал из шкафа дневник и начинал планировать последующие дни.

Что ему точно пора, так это представиться. Первое впечатление каждый уважающий себя человек должен уметь произвести сам. Даже если оно будет ошибочным, эгоистичным и даже противным, глубоко внутри он обязан сиять!

«Я, Н, первый отличник среди параллелей (ничего не зубрил), великий стратег (наиграл в стратегии несколько тысяч часов, в частности, в „Хойку“), главный косплеер Наполеона и gdh всея Руси! И просто — Товарищ Император!»

После таких представлений окружающие спасались бегством от этого сумасшедшего.

Шутка.

На самом деле он ни с кем почти так не представлялся, но вполне можно сказать, когда он репетировал такие сцены, в душе ему было сказано сиять, и он сиял.

Высокий рост. Средние физические данные. Попроси его описать себя — и он, не моргнув глазом, выдаст описание Аполлона. Но будем судить по фактам.

Иногда он сутулился. Особенно когда был занят — тогда вовсе не замечал, что плечи уходят вперёд, а шея вытягивается к столу. Но стоило заметить — и спина выпрямлялась рывком, как по команде. Или хотя бы пыталась.

По утрам он подолгу стоял перед зеркалом, укладывая волосы. Не из тщеславия. Хаотичность собственной головы раздражала его не меньше, чем окружающая серость. Всё должно быть упорядочено. Даже то, что порядку не поддаётся.

Одевался он из крайности в крайность. От строгого пиджака, в котором ходил на конференции, до красной кофты.

Если он и вызывал симпатии, то возможно, не из-за внешности. Однако, подобно тому как его рост не соответствовал его кумиру, так и его колоссальные амбиции противоречили той оболочке, в которой он был заключён.

За окном, в начинавшем сгущаться вечере, фонарь у подъезда мигнул и зажёгся тусклым светом. Его пятно на снегу было похоже на пролитую краску — ядовито-жёлтое посреди всеобщей синевато-серой мглы. Снежинки кружили в этом свете, точно мошки, летящие в надежде на тепло. Где-то далеко, на другой улице, просигналила машина — коротко, словно вздохнув от усталости. Город готовился к вступлению во тьму, равнодушный к чьим-либо внутренним триумфам.

Раздался звук. Пришло уведомление, которого он нехотя ждал.

Привет.

Как ты?

Привет.

Нормально.

И так на протяжении всего дня. Постоянно. Ему это не было противно или неприятно. Чувство было похоже на нечто среднее между разочарованием и интересом.

Немного подождав, Н открыл мессенджер.

Ему писала подруга, из-за которой он был в телефоне всё время, пусть даже и в небольшой вред своему развитию. До этого одно полушарие его мозга было занято планами по

захвату мира, а второе — изучением книг и теорий. Разумеется, всё это происходило в его комнате-храме

Разговоры ни о чём раздражали его, но даже из такого общения можно было что-то построить. А в «материалах» Н очень нуждался; ему не хватало того моста, перейдя через который, он воспарит и засияет так, как виделось в его планах.

Он ловил себя на том, что ждёт не этих сухих «привет-как-ты», а тех самых, смешных. Ждёт её очередной — даже не странности, а просто беседы, затмевающей серую действительность и позволяющей воспарить.

Однажды, написав ему — уже не помня, как, но точно не привычным «Привет», — она завлекла Н в трёхчасовой разговор. Разумеется, Товарищ Император не мог не явить все свои ипостаси, но девушку это вряд ли интересовало. Выразилась она словами: «Ты несерьёзный». Что совсем не останавливало, но очень даже стопорило Н. И такие, пускай даже частые и пустые, «материалы» давали некий отдых от его реальности.

Но как это сочеталось: наполеоновские планы, кипящее рвение — и эта внутренняя, хорошо скрываемая замкнутость? Ответ, как всегда, был один: «Товарищ Император». Это прозвище, родившееся в лагерной атмосфере вседозволенности и творчества, стало не просто шуткой, а точным символом его внутреннего устройства. Экстравертом он не был никогда — он был правителем одиночества, монархом собственного внутреннего мира, выходящим к подданным лишь по особому случаю. Правда, не сказать, что таких случаев он избегал.

Даже искал.

А что происходило с его взглядами, можно было застрелиться: логически обоснованные, но тем не менее безумные, переходящие из хаоса в определённую, и всё это за один день.

Дверь в квартиру распахнулась с привычным глухим стуком, впуская внутрь вечерний воздух и родителей, только что приехавших на машине с работы. Отец вошёл первым — куртка на вешалку, ключи на полку, два шага в коридор. Мать следом — уже на ходу стягивая перчатки и оглядывая кухню.

— Как день прошёл? — бросил отец, не глядя.

— Нормально, — автоматически откликнулся Н.

Отец, не сказав больше ни слова, скрылся в комнате. Мать задержалась на кухне. Повернулась к раковине — там с утра стояла пара тарелок и чашка. Немного, но достаточно, чтобы начать ритуал.

— Опять посуду не помыл, — сказала она без злобы. Просто констатация.

— Занят был.

— Ты всегда занят.

Н не ответил. Смотрел, как она включает воду, как берёт губку. Движения — точные, быстрые, годами отточенные. Она мыла посуду так же, как он читал книги: методично, без лишних движений. Это была её крепость. Не чистота сама по себе. А порядок, который она создавала руками.

— Есть хочешь?

— Потом.

— Что «потом»? Остынет же. Иди ешь.

— Ну не хочу я.

Мать обернулась через плечо. Взгляд — не злой, не обиженный. Скорее оценивающий. Она давно привыкла к его тону. Но привычка не значила согласие.

— Ты сегодня какой-то дёрганный. Что-то случилось?

— Ничего. Просто день длинный, устал.

— Награждение же было?

— Было.

— Ну и как?

— В целом отлично. Грамоту дали, даже сфоткался с министром.

— А когда фото перекинут?

— Не знаю, они мне не сильно нужны, — Он скрестил руки. Отвращение к бюрократии, к фото, к министру — всё смешалось в одно.

Она выключила воду. Вытерла руки полотенцем. Села напротив.

— Ты мне можешь рассказать, — сказала она. — Я же вижу.

— Что ты видишь?

— Что ты весь в себе. Больше обычного.

Н усмехнулся. «Весь в себе» — это было мягко сказано. Он был в себе, в своих планах, в своей Империи.

— Всё нормально. Наградили. Четверть завтра кончается. Завтра дискотека.

— О, дискотека, — она улыбнулась. — Пойдёшь?

— Пойду.

— Это хорошо. Тебе надо развеяться. А то всё книги, книги... И не смей идти на дискотеку в своём спортивном костюме!

— Кто сказал, что я в нём пойду?

— Ты всегда в нём ходишь. Кроме официальных встреч — туда ты в пиджаке

— Я подумаю.

Мать домывала оставшуюся, самую большую тарелку.

— Наконец-то хоть развеешься, — повторила она опять. — Когда ты последний раз на дискотеке был?

— В лагере, и мне... — он осёкся. Не хотел вспоминать.

— Ну, понравится, значит, в этот раз.

Мать вздохнула.

— Ладно. Ешь давай. И спать пораньше. Завтра твой день.

Н кивнул. Она встала. На секунду задержалась у стола — будто хотела сказать что-то ещё. Но вместо этого просто провела рукой по его плечу и вышла.

Н воспринимал присутствие родителей как бесполезную, но неизбежную стихию. Они были, и не быть не могли — как минимум потому, что были главным центром создания Н, тем фундаментом, который он одновременно отрицал и на котором стоял. Но тем не менее все их действия были будто без жизни, механическими, иллюзорными, что невероятно бесило Товарища Императора. Этот домашний театр абсурда, где все играли роли «нормальной семьи», был для него хуже любого открытого бунта.

Ему приходилось поддерживать этот спектакль по многим причинам: из вежливости, из страха нарушить хрупкое равновесие. Но, возможно, самая главная причина была в том, что в глубине души он воспринимал их как таких же строителей, как и он сам, — отчаянно, хоть и бессознательно, пытающихся вырваться из серой действительности.

Он видел, как мать с упорством, достойным лучшего применения, выстраивала из мытья посуды и идеальной чистоты на кухне подобие крепости от хаоса. Каждый вечер она протирала стол, хотя тот и так был чист. Это был её ритуал. Её способ сказать: «Здесь я управляю. Здесь порядок. Здесь хаос не пройдёт». Н понимал это. Сам делал так же — с книгами и планами.

А отец возводил свою цитадель из мягкого молчания, которое и превозносило его и убивало. Он мог сидеть на кухне час, два, три — и не сказать ни слова. Не потому, что нечего. А потому что слова были не нужны. Или потому что они потерялись где-то по дороге.

Их стройка была тихой, отчаянной и обречённой. Да, у них не получалось. Возможно, они уже и не хотели, смирившись. Но разве вправе он, Товарищ Император, отнимать у них эту призрачную возможность, эту искру, которая в теории, даже самой безумной, всё же могла когда-нибудь вспыхнуть?

Отец снова появился на кухне. Налил чай. Сел. Н наложил картошки. Сел напротив.

Минуту ели молча. Было слышно, как капает кран. Как гудит холодильник. Как мать в соседней комнате перекладывает что-то с места на место.

Отец поднял глаза. Посмотрел на Н — не мельком, как обычно. Задержал взгляд. Будто хотел что-то сказать. Или спросить.

— Наградили? — спросил он наконец.

— Да.

— За что?

— Конкурс. — Небольшая пауза. — Научный.

Отец кивнул. Помолчал. Потом уголок его рта дрогнул — не то чтобы улыбка, скорее тень улыбки. Редкая. Почти незаметная.

— Молодец.

И всё. Слово упало в тишину и утонуло. Но Н почувствовал: это «молодец» весило больше, чем целая речь. Отец не разбрасывался похвалой. Если сказал — значит, заслужил.

Н смотрел на него и думал. Доктор наук. Математик в музыкальной академии. Человек, который мог бы стать кем угодно. Сидит. Ест картошку. Говорит «молодец» раз в год. Это не было презрением. Это было что-то другое. Н сам не знал, как это назвать. Может быть — страх. Может быть — предупреждение. «Вот что с тобой может стать».

Отец доел. Отодвинул тарелку. Вытер руки салфеткой — аккуратно, как всё, что он делал.

— Мы сегодня в Москву, — сказал он. — Командировка.

Н поднял бровь. Отец редко говорил о работе. Ещё реже — о поездках. Обычно Н узнавал о них постфактум, когда родители уже возвращались.

— Надолго?

— На пару дней. Вернёмся — расскажешь, как дискотека прошла.

Н чуть не поперхнулся. Отец помнил. Слушал. Знал.

— Расскажу, — сказал Н. — Если будет что рассказывать.

— Будет, — отец отпил чай, слегка стукнул чашкой об стол. — Ты умеешь.

И всё. Никаких «будь осторожен», никаких «веди себя хорошо». Два слова — и он снова ушёл в свою цитадель. Н остался сидеть, глядя в пустую тарелку.

«Ты умеешь».

Это звучало не как похвала. Скорее как диагноз. «Ты умеешь» — значит, справишься. «Ты умеешь» — значит, не жди помощи. «Ты умеешь» — значит, ты сам по себе, и это никого не удивляет.

Он встал. Помыл тарелку. Вытер стол. Выключил свет на кухне. Проходя мимо комнаты родителей, на секунду задержался. За дверью было тихо. Они, наверное, уже собирали вещи. Или просто молчали. Он пошёл к себе.

В комнате было темно. Он не стал включать лампу — зажёт только ночник, тот самый, что отбрасывал на потолок жёлтое дрожащее пятно. Лёг. Уставился в это пятно. Мысли потекли сами — тягучие, беспокойные. Обычное дело для конца дня, когда нормальные люди давно спали.

Наш же герой грезил о своих планах, принимающих тотальные, несовместимые с реальностью формы. Однажды он с маниакальным упорством запланировал прочесть пятьдесят тысяч страниц за рекордные сроки, воображая, как его разум, поглотив океан знаний, вспыхнет сверхновой, озаряющей мир. Но получил он лишь раскалённый шар боли в висках, белую пелену перед глазами и горькую уверенность, что лучше качество, чем количество.

Была и другая, тёмная сторона его ночных размышлений. Иногда, точно на невидимые, вбитые в плоть реальности колья, он натывался на мысли, от которых вся его уверенная, выстроенная за день философия рушилась прахом, обнажая беззащитное нутро. «Какой смысл

в признании чего-либо? Даже смерти, если... всё тленно, всё бессмысленно и... скучно», — думалось ему, и в горле вставал холодный ком, а веки наливались свинцовой тяжестью.

Последняя тема — тема невозможного — волновала его особенно остро. В принципе, невозможные вещи манили его, как магнит. И если он сталкивался с чем-то, что не мог покорить, обуздать, понять, — это вызывало в нём яростную, всепоглощающую ненависть ко всему существу. Он сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони, и это было единственное, что он мог контролировать в минуты абсолютного бессилия.

Но сегодня мысли пошли дальше.

Он перевернулся на бок. На потолке дрожало жёлтое пятно — свет фонаря, того самого, что горел у подъезда. Пятно было здесь год назад. И два года назад. И будет здесь через десять лет.

«А меня?» — подумал он. Мысль была не грустной. Скорее странной. Как будто он на секунду увидел себя со стороны. Один человек в одной комнате. И миллионы людей в миллионах комнат. И все думают о чём-то.

И никто никого не слышит.

Тотальный муравейник из панелек и ниток человеческих бессмыслиц.

Взгляд скользнул по полке. Корешки книг — Платон, Ницше, Гегель, Драйзер, Толстой. Они знали ответы. Или думали, что знали. Или знали, но не для него. «Я читаю их, — подумал он. — Но прочтут ли они меня?»

Книги молчали.

Книги всегда молчат.

Говорит только тот, кто их открывает.

Он перевёл взгляд на телефон. Экран был тёмным. Последнее сообщение — от Д. «Привет. Как ты?» Он ответил «Нормально». Ритуал повторен спустя час.

Империя.

Это был способ жить.

Способ не быть серым. Способ не стать отцом, который говорит «молодец» раз в год и уезжает в Москву с портфелем, которому десять лет. Способ не идти из года в год по одним дорогам в один и тот же дом с одними и теми же мыслями.

«Взросление, — подумал он. — это когда ты перестаёшь хотеть большего? Или когда большее перестаёт напоминать о себе?»

Ответа не было. Только пятно на потолке.

Только тишина.

Потом пришла другая мысль.

Страшнее.

Он закрыл глаза. В темноте было легче.

Под веками глаза устремились в небо, а разум открылся для всех его глубоких мыслей.

«Я не знаю, а верю. И я знаю, что ты веришь в меня! Не в чудо. В то, что дорога есть. И завтра — мой день. Я сделал всё, что мог. Остальное — пусть будет».

Тишина. Но эта тишина была не пустой. Она была наполненной. Как тишина после хорошей музыки. Как снег за окном.

Он не знал, можно ли называть это ответом. Но спорить не хотелось.

Он открыл глаза. Пятно на потолке всё ещё дрожало. Снег всё ещё падал. Где-то далеко, на другой улице, коротко просигналила машина — словно вздохнув от усталости. Город готовился к вступлению во тьму, равнодушный к чьим-либо внутренним триумфам.

И вот, пройдя сквозь густую, колючую завесу ночных мыслей, через фазы мании, боли и ненависти, его измождённый мозг наконец получил заслуженный отдых. Не как капитуляция, а как стратегическая пауза, перегруппировка сил перед новой битвой. Битвой с тем же миром,

но в который он с каждым днём вступал во всё более новых и сложных реалиях. Он засыпал с одной-единственной мыслью: завтра. Новый день.

Пока одно из этих «завтра» не станет днём его окончательного триумфа.

1.2 «Перепутье»

Ровно год назад. Ночь. Перепутье. Железная дорога.

Город засыпал. Огни в окнах многоэтажек гасли одно за другим — не резко, а как будто нехотя, с ленцой, словно каждый дом боролся с темнотой до последнего.

Террикон темнел на горизонте — чёрный конус, присыпанный снегом. Днём он был просто горой пустой породы. Ночью — стражем. Спал, но смотрел.

Ветер шёл с востока. Низовой, колючий — он поднимал с земли сухой снег и нёс его над тропинками, над рельсами, над гаражами. Где-то вдалеке, за пустырьём, мигнул и погас фонарь — то ли перегорел, то ли просто устал.

Н шёл через этот город. Устало и немного разочарованно. Но с большими планами.

— И всё-таки это не то, на что я рассчитывал, — думал Н, шагая по ночным припорошенным тропинкам. — Гуляю, и весело в принципе, но совсем не то.

Ветер дёргал воротник. Снег переметало через дорожки. Н сунул руки в карманы и ускорил шаг.

На пути стояла перевёрнутая шина — летом она служила клумбой, сейчас из неё торчали сухие стебли. Дома многоэтажек горели квадратами окон. Ночь была уже скорее глубокой, но чётко выверенное время доказывало: ещё вечер.

— Вот раньше... было легче. Даже не задумывался ни о чём. Само всё шло. С другой стороны — как шло?

Он остановился. Ветер толкнул в спину.

Планы перевыполняются. Книжки, стратегии — всё на высшем уровне. Социального развития не хватает. Хотя какое развитие, когда в парке половина, если не больше, ведут себя как идиоты: пьют и бесятся.

Для Н парк был местом объединения — всё детство он созывал друзей именно туда. Теперь, после нескольких лет отсутствия (еще задолго до создания империи) там находятся чужие люди и чужие крики.

— Не знаю, как долго это будет. Это не лучше серости. Гедонисты недоделанные. Придётся всё же сосредоточиться на своём разви...

— Эй, пацан!

Н оглянулся. Никого.

— Я здесь!

На возвышенности, где лежали железнодорожные пути, стоял человек. Темнота съедала его черты. Силуэт, ветер, снег — больше ничего.

Н помедлил. Не из страха — из расчёта. Потом пошёл вверх, цепляясь подошвами за мёрзлую землю.

— Чего вам?

— Слушай, пацан, тут человеку плохо. Видишь?

Он указал на пути. Там, у рельсов, лежал бездомный — грязный, небритый, явно нетрезвый. Почти без чувств. Ветер заносил его снегом, как заматают то, что уже не нужно.

— Нельзя мимо проходить. Позвони в скорую. У меня телефон сел.

Н колебался. Ему было не до этого. Что касается потенциальной угрозы — он её не чувствовал. Судьба ему благоволит. Но всё происходящее вызывало двойные мысли: зачем ему это? Почему именно сейчас? Он вздохнул.

Достал телефон.

— Сейчас.

Набрал. Назвал адрес. Объяснил, где лежит человек. Диспетчерша переспросила — он повторил. Чётко. Как рапорт.

— Говорят, минут через пятнадцать.

— Ну, подождём.

Они сели у железных балок. Ветер гудел в пролётах старого моста. Снег закручивался в маленькие вихри — танцевал на рельсах, будто пробовал их на прочность.

Н не был настроен говорить. Но человек говорил.

— Понимаешь, пацан, помогать надо. Вот он — жил, пил, шёл, упал. Может, разбил голову. И всё. Никто не поможет. Все мимо проходят. У всех своё.

— Да.

— А ты не прошёл. Значит, ты ещё жив. Понимаешь, о чём я?

— Да, — скушаяще ответил Н. Нравоучений ему не хотелось. Тем более таких приземлённых.

Пока человек развивал свою нехитрую философию, Н перевёл взгляд на бездомного. Тот лежал, раскинув руки, и снег уже не таял на его лице.

Тяжёлый. Когда парень попытался его приподнять, тело не поддалось — как мешок, набитый чужим временем. Лицо — грубое, изрезанное морщинами, будто каждый год оставлял на нём зарубку. Борода — серая, свалившаяся в клочья. Одежда — слои грязи, нанизанные на тело, как доспехи.

Н смотрел и думал: «Персонаж какого-то французского страдальческого романа. Из тех, что проходят каторгу, теряют всё и всё равно не становятся злыми. Только здесь не было эпизода. Не было серебра. Только ржавые рельсы, снег и двое, которые не прошли мимо».

— И всё же, — сказал парень, глядя на бездомного, — странно устроен мир.

Н не ответил. Парень поднял воротник куртки и продолжил:

— Вот он. Может, у него семья есть. Может, дети. А может, никого. И никто не узнает, что он здесь лежал. Кроме нас. А мы — случайные люди. Ты вообще мимо шёл. Я — мимо шёл. Мы даже не знакомы. А теперь сидим и ждём скорую. Как будто так и надо.

— Так и надо, — сказал Н.

— Ну да. Но почему? Почему мы не прошли? Я вот думаю: есть люди, которые проходят. Их большинство. Они видят — и отворачиваются. Не потому что злые. Просто... некогда. Или страшно. Или «сами разберутся». А мы не прошли. Значит, мы другие?

Н пожал плечами. Парень не заметил — или сделал вид, что не заметил.

— Я раньше думал: помогать — это трудно. Деньги там, время, силы. А потом понял: помогать — не трудно. Трудно — не проходить мимо. Потому что если ты прошёл, ты уже всё решил. Ты сказал: «Это не моё». А если остановился — всё. Ты в деле. Ты в игре.

И назад не отмотаешь.

Он замолчал. Снег падал на рельсы, на балки, на плечи бездомного. Тот застонал — тихо, невнятно. Кажется, просил пить. Или просто стонал. Н не разобрал.

— Я в техникуме учусь, — сказал парень. — На сварщика. У нас мастер есть, старый уже. Он говорит: «Сварка — это как жизнь. Если шов кривой — рвать будет. Если ровный — держать будет вечно». Я запомнил. Думаю, с людьми так же. Если ты с человеком шов положил — ты за него отвечаешь. Потому что если порвётся — это ты криво сделал.

Н слушал. В обычный день он бы уже вставил что-то про Канта, про категорический императив, про этику долга. Но сегодня — молчал. Что-то мешало. Может быть, ветер. Может быть, ночь. Может быть, человек на снегу, которого жизнь положила на рельсы и не удосужилась проверить пульс.

— А он выживет? — спросил Н.

— Не знаю. Но мы сделали что могли. Остальное — не наше дело.

— Это удобная позиция.

— Удобная? — парень усмехнулся. — Удобно — это пройти мимо и забыть. А сидеть тут и ждать — это неудобно. Холодно. Ветер. Спать хочется. Но ты сидишь. Потому что если уйдёшь — как потом с этим жить?

Н снова посмотрел на бездомного. Снег уже почти укрыл его плечи. Ветер трепал край грязной куртки.

— Знаешь, — сказал парень, — я одну вещь понял. Может, глупую. Но я понял.

— Какую?

— Люди делятся не на добрых и злых. И не на умных и глупых. А на тех, кто проходит мимо, и тех, кто не проходит. И это, наверное, единственное, что важно.

Н помолчал. Потом сказал:

— Красиво. Но слишком просто.

— Почему?

— Потому что можно не пройти мимо, а потом сделать хуже. Можно помочь не тому. Можно помочь так, что человек перестанет помогать себе сам. Диалектика.

Парень посмотрел на него с интересом.

— Ты всегда так?

— Как?

— Раскладываешь. Ну, по полочкам. Я тебе про людей, а ты мне — «диалектика».

— Читаю. Иногда.

— Заметно. Но знаешь, — парень потёр замёрзшие руки, — я не про всех. Я про сейчас. Вот он лежит. Мы помогли. Диалектика — это потом. А сейчас — просто помогли. Разве этого недостаточно?

Н не ответил. Достаточно или нет — он ещё не решил.

Ветер стих. Снег перестал кружиться — просто падал ровно, отвесно, как занавес. Тишина стала глубже.

— Вот ты молчишь, — сказал парень. — А я говорю. Тебе кажется, что я слишком много говорю?

— Есть немного.

— А мне кажется, что ты слишком много молчишь. Как будто боишься, что если скажешь — всё станет настоящим. Или как будто ждёшь, что я тебя обману.

Н поднял бровь.

— С чего бы?

— Ну, ночь, пустырь, незнакомый человек. Ты позвонил в скорую — но ты не расслабился. Я вижу. Ты как будто всё время считаешь: опасность — не опасность, правда — не правда. Это у тебя автомат или привычка?

Н помедлил.

— Привычка.

— И как, помогает?

— Обычно да.

— А сейчас?

Н посмотрел на парня. Тот сидел, засунув руки в карманы, ёжился от ветра и совсем не выглядел опасным. Но Н знал: внешность обманчива.

И всё же...

— Сейчас, — сказал он, — пока не решил.

— Ну, решай. Я никуда не тороплюсь.

Парень откинулся на балку и замолчал — впервые за весь разговор. Тишина повисла густая, как снег.

Н смотрел на рельсы. На ржавчину, проступающую из-под снега. На бездомного, который дышал всё тише. Он думал о том, что социальное развитие, кажется, сдвинулось с мёртвой

точки — но как-то не туда. Он представлял себе другое: разговоры, смех, компанию. А получил — ржавые рельсы, чужого парня и умирающего бездомного.

— Слушай, — парень вдруг нарушил молчание, — а ты веришь?

Н не понял.

— Во что?

— Ну... во всё это. Что не просто так. Что есть что-то... выше, что ли.

Н смотрел на снег. На рельсы. На бездомного. Думал: «Почему я должен ему отвечать? Мы не знакомы. Он мог всё это придумать. Бездомный мог быть его знакомым. Или он сам мог быть опасен. Или...»

Но вместо этого сказал:

— Я верю в себя. Это единственное, что я могу проверить. Единственное, что не подвело меня. Пока.

Парень кивнул.

— А в тебя, я думаю, тоже верят. Ты ж помог. Значит, не зря в тебя верить.

Н помолчал. Потом сказал:

— Я думаю, даже знаю, что в меня верит кое-кто ещё. Не знаю, кто. Судьба благоволит и говорит: ты справишься. И я справляюсь.

— Это, наверное, и есть... ну, эт самое, — парень махнул рукой в небо.

— Может быть. Я не называю это. Просто знаю — и всё.

— И достаточно?

— Достаточно.

Парень усмехнулся.

— Ну, ты даёшь. Я бы так не смог — без имени. Мне надо знать, кого благодарить.

— Я не знаю. Но я верю. Не в чудо. А в то, что дорога есть. И то, что мы здесь — возможно, не случайность.

— Возможно? — парень усмехнулся. — Ты даже в Боге сомневаешься с оговорками.

— Я во всём сомневаюсь. Это называется «мышление».

— А я не сомневаюсь. Я просто... чувствую. Что надо помочь. И помогаю. Без оговорок.

— И всё же.

Н хотел ответить, начать разговор, что он уже построил Империю — но промолчал. Парень не поймёт.

Да и не нужно.

Вдали показались фары. Скорая ехала медленно, нащупывая колёсами дорогу. Парень встал. Н встал.

— Ну, бывай, — сказал парень. — Помог, значит, не зря живёшь.

— Бывай.

Н пошёл вниз, к тропинке. Ветер дул в лицо. Снег скрипел под ногами. Где-то сзади хлопнули дверцы скорой.

Он не обернулся.

Шёл вниз по тропинке, засунув руки в карманы. Снег заметал следы. Где-то вдали выла собака. «Трудно не проходить мимо», — повторил он про себя. И не знал ещё, что через год ему предстоит пройти мимо человека, который будет ждать.

1.3 «Всё как у людей»

Н смотрел в окно. Огоньки панелек загорались и потухали в рваном ритме — где-то на подстанции опять скакало напряжение. Свет дрожал, как дыхание уставшего человека. Окно в окно: тысячи квартир, тысячи жизней, и в каждой — свои скучные будни.

Из соседней комнаты доносилось ровное гудение — брат играл в телефон. Ему недавно исполнилось девять. Он не читал Ницше, не строил империй и не планировал захват мира на следующую неделю. Но и никаких преимуществ от свободного времени у него не было. Друзей — почти нет, на улицу выходил раз в год. Если бы не школа — заикнулся бы лишь на играх. Брат не шёл по стопам старшего. И это хорошо. Одного Императора на семью — достаточно.

Н взял телефон. Открыл чат. Аккаунт Д.

Лицо не дрогнуло. Палец завис над кнопкой. Ещё секунду назад он думал написать. Теперь — нет. Выключил экран. Отложил телефон. Лёг.

А где-то в частном секторе, в доме с довольно новым, уже не деревенским забором и старой яблоней во дворе, Д сидела на подоконнике и смотрела на тот же снег.

Ветер с востока добрался и сюда — дёргал антенну на крыше, выл в проводах. Она куталась в плед и держала телефон в руке. Экран горел. Чат был открыт. Тот самый.

Её дом был поделен на несколько отдельных строений. В одном жила родня — тётя с мужем и бабушка. В другом, поменьше, обитала она сама. Нельзя сказать, что её как-то обделяли — просто так сложилось. Небольшая странность. Она привыкла.

Комната была маленькой, но уютной — если можно назвать уютом отсутствие лишних вещей. Кровать, застеленная серым пледом. Стол с ноутбуком, который она не открывала неделями. Зеркало в полный рост — единственное, к чему она подходила регулярно. На полке — пара книг, которые она прочла, но только для того, чтобы сказать, что она читает и этим увлекается, и косметика. Никаких плакатов, никаких фотографий, никаких следов увлечений. Как будто комната ждала кого-то, кто так и не въехал.

На улице был бассейн. Довольно редкая вещь у подростка. Летом она иногда плавала — просто чтобы чем-то заняться. Зимой бассейн стоял пустой, затянутый плёнкой, и снег собирался на ней белым куполом.

Закатив глаза от собственного ничегонеделания, она снова написала Н.

Д: Привет

Д: Как ты?

Н: Привет

Н: Нормально

Н: А ты как?

Д: пойдёт

Она смотрела на экран. «Пойдёт» — это было сильно сказано. Ничего не шло, не стояло, не падало. Просто — было. Как погода. Как эта яблоня во дворе, которая не плодоносила уже года три, но её не спиливали — лень.

Д отложила телефон. Потянулась. Встала. Подошла к зеркалу. Посмотрела на себя — не оценивая, а скорее по привычке. Поправила волосы. Вернулась на подоконник.

Она не была красавицей в том смысле, в каком это слово обычно употребляют. Не было в ней ни кукольной симметрии, ни яркости, которая бьёт в глаза с первого взгляда. Но что-то в ней цепляло. Что-то, что сложно было назвать.

Как у старого дома, который стоит не по чертежу, а по чутью — и почему-то держится. Как у мелодии, которую напеваешь, не зная слов. Как у зимнего неба перед снегопадом: серого, но глубокого. Ростом она была довольно маленькой, но это ей ни капли не шло в минус.

Черты лица — спокойные. Ничего лишнего. Глаза — чуть прищуренные, будто она всегда смотрела на мир из-за невидимого стекла. Губы — тонкие, с привычной полуулыбкой, которая ничего не обещала. Волосы — скорее светлые, собранные в небрежный пучок, из которого всегда выбивалась пара прядей. Она их не поправляла. Не замечала. Или делала вид.

Она двигалась медленно — не лениво, а как будто экономя энергию. Как будто каждый жест был заранее взвешен. В ней была грация не танцовщицы, а хищника, который знает, что всё равно победит, даже если не двинется с места. Но при этом уходила она быстрее всех.

Красивая? Это точно. Красивая так, как бывает красив поздний вечер, в который ничего не происходит — но ты всё равно стоишь у окна и смотришь.

Н был прикольный. Она так и сказала однажды подруге: «Прикольный». Не «умный», не «странный», не «красивый». Просто — прикольный. Она не вкладывала в это слово ничего особенного. Прикольный — значит, можно иногда переписываться. Иногда даже интересно.

Их общение шло циклами. Она писала ему — когда становилось скучно. Он отвечал — всегда, почти сразу. Они говорили о чём-то — она уже не помнила о чём. Потом он становился слишком серьёзным. Или слишком навязчивым. Или просто надоедал. И она замолкала. На неделю. На месяц. На полгода. А потом — снова писала. Как ни в чём не бывало. И он снова отвечал.

Она не думала, что это ранит. Ей вообще не приходило в голову, что переписка может ранить. Это же просто слова. Просто буквы на экране. Захотела — написала. Не захотела — не написала. Что тут сложного?

Она не была злой. Она просто была.

Родители жили отдельно. Вернее, мать жила отдельно — в той же части города, но через несколько улиц. Отец — где-то ещё, при этом брат Д, такого же возраста, что и брат Н, жил вместе с родителями. Или с одним, или с другим. Д не помнила, когда они разошлись. Кажется, она тогда только пошла в школу. Мать приезжала раз в неделю — проверить, жива ли. Привозила продукты, деньги, задавала одни и те же вопросы. Д отвечала одно и то же. Ритуал.

Мать выглядела загнанной. Вечно уставшее лицо, мешки под глазами, торопливые движения. Она работала на двух работах. На каких, Д не вникала. Иногда пыталась заговорить о будущем: «Тебе надо учиться», «Тебе надо куда-то поступать». Д кивала. Мать вздыхала. Разговор заканчивался, не начавшись.

Отца Д не описывала. Никому. Даже себе.

Ей было всё равно. Это не было позой. Не было защитой. Просто — всё равно.

В школе она училась средне. Сильно развитой она не была. Книги? Скучно. Кино? Ну, можно, если нечего делать. Музыка? Да, что-то играло фоном, но она не могла бы назвать любимую группу. Хобби? Нет. Спорт? Нет. Мечты? Нет. Если только не брать мечту стать в будущем секретаршей у неожиданно разбогатевшего какого-нибудь друга.

Иногда она притворялась увлечённой. С подругами — смеялась, обсуждала какие-то глупости, делала вид, что ей интересно. Но внутри было тихо. Как в бассейне зимой.

Она не страдала от этого. Ей не хотелось большего. Ей вообще ничего не хотелось. Кроме, может быть, одного — чтобы было не скучно. И когда становилось скучно, она писала Н.

Сегодня было скучно.

Она смотрела на чат. Он не ответил на «пойдёт». Обычно отвечал. «Почему?» или «Что случилось?» или ещё что-нибудь в своём духе — длинное, с намёком на глубокий разговор. Сегодня — тишина.

Она пожала плечами. Подумаешь. Не ответил — значит, занят. Или устал. Или надоело. Она не обижалась. Она вообще не умела обижаться — это чувство требовало слишком много энергии.

Она отложила телефон. Слезла с подоконника. Прошла по комнате. Остановилась у зеркала. Посмотрела на себя.

«Прикольный» — сказала она вслух. Непонятно кому.

И пошла на кухню — пить чай.

Она прошла на кухню. Маленькую, но чистую — тётя следила за порядком, даже когда Д забывала. Включила чайник. Прислонилась к столешнице и стала смотреть в окно.

Скучно. Это слово висело в воздухе, как пар от чайника. Не тоска. Не грусть. Просто — скучно. Как будто мир поставили на паузу, а кнопку продолжить кто-то потерял.

Чайник закипел. Она налила чай. Села за стол. Обхватила кружку ладонями. Горячо. Хорошо. Хоть что-то чувствуется.

Чем бы заняться? Уроки? Хах. Книга? Она бросила взгляд на полку — там лежал какой-то роман, кажется, любовный, кажется, подаренный кем-то на прошлый Новый год. Она открыла его один раз, прочитала две страницы и забыла. Можно было включить ноутбук, посмотреть что-нибудь. Но выбирать фильм — это тоже усилие. А усилий не хотелось.

Она сделала глоток. Чай был слишком горячим, но она не стала ждать. Просто пила и чувствовала, как тепло растекается внутри. И больше ничего.

Подростковая меланхолия — так, наверное, это называлось. Или лень. Или пустота. Она не различала. Ей было всё равно, как это называется. Важно было только одно: сегодня было скучнее, чем обычно. Даже Н не ответил.

Она допила чай. Поставила кружку в раковину. Вернулась в комнату. Взяла телефон. Чат с Н всё ещё был открыт. «пойдёт» — висело последним сообщением. Она посмотрела на него. Потом — на потолок. Потом — снова на экран. И вдруг, сама не зная зачем, написала:

Д: слушай

Д: а вот ты говорил что министр был на награждении

Д: он что, прям министр? или кто?

Она писала это, лёжа на кровати, задрав ноги на спинку. Голова свешивалась вниз, светлые волосы почти касались пола. В такой позе думалось легче. Или не думалось вовсе — что ещё лучше.

Н: Министр. Но это неважно. Бюрократия — она везде бюрократия.

Д: и как он выглядел?

Н на секунду задумался. Вспомнил усталое лицо, мятый пиджак, заученную улыбку. Вспомнил, как министр пожал ему руку — сухо, формально, уже глядя на следующего.

Н: Уставший человек в пиджаке. Говорил заученные фразы. Я сфоткался с ним, но фото мне не нужно.

Д: почему?

Н: Потому что это не достижение. Достижение — это то, что ты сделал. А фото с министром — это просто фото с министром.

Она хмыкнула. Он всегда так. Серьёзный. Но в этом была своя прелесть — как в старом фильме, который смотришь не ради сюжета, а ради атмосферы.

Д: а ты всегда такой...

Н: Какой?

Д: ну, правильный.

Д: не знаю

Д: Будто всё стремишься сделать идеально

Н: У меня всё по плану.

Она фыркнула. План. Ну, конечно. У него на всё план.

Д: и что, даже на шутки есть план?

Н: На шутки — нет. Шутки — это хаос. Я его не планирую. Я его допускаю.

Д: ого, хаос допускаешь. Это прогресс

Н: Я вообще-то много чего допускаю. Просто не всё принимаю.

Она перевернулась на живот, подперла голову рукой. Разговор становился забавным. Он защищался, но не как обычно — глухо, стеной. А как будто играл. Чуть-чуть. Самую малость.

Д: а что ты не принимаешь?

Н: Глупость. Бесцельность. Людей, которые живут как трава.

Д: трава тоже красивая

Н: Трава — да. Но я не трава.

Д: а кто ты?

Н: Я — садовник. Я выращиваю. Себя. Империю. Будущее.

Д: а я?

Н: Ты — цветок, который сам не знает, что он цветок.

Она улыбнулась. Вот это уже интереснее. Почти комплимент. Она отложила телефон. На секунду. Всего на секунду. Но эта секунда была длиннее обычного.

Д: а мне вот не смешно

Н: Почему?

Д: скучно просто

Она отправила и уставилась на трещину в потолке. Тонкая, как волос. Она смотрела на неё уже год. Может, два. Когда-нибудь штукатурка рухнет. Но не сегодня.

Н: Скука — следствие.

Д: чего?

Н: Отсутствия цели.

Она закатила глаза. Ну конечно. Цель. Сейчас начнётся лекция.

Д: у тебя всегда есть цель?

Н: Всегда.

Д: и какая сейчас?

Н на секунду задумался. Целей было много — ближних, дальних, стратегических. Он мог бы перечислить их по пунктам, но что-то подсказывало: ей это не нужно.

Н: На завтра рутинные дела, если всё сложится удачно, то может даже что-нибудь интересное придумаю. Дискотека та же. Это ближайшая. Дальше — окончание года. Ещё дальше — годовой план. Ещё дальше — Империя.

Д: империя?

Она произнесла это вслух — «империя» — и усмехнулась. Звучало как название компьютерной игры. Или как что-то странное. Или как то и другое сразу.

Н: Я же тебе уже рассказывал...

Н: Я строю свою систему. Свой порядок. Свой мир.

Д: а мне ничего не хочется строить

Н: Совсем?

Д: ну разве что чай заварить.

Д: и то уже.

Она бросила взгляд на кухню. Кружка всё ещё стояла в раковине. Чай давно остыл. Можно было бы налить ещё, но для этого нужно встать. А встать не хотелось.

Н: Я согласен — чай это святое, но всё же.

Н: Ты никогда не думала, что скука — это не пустота, а пространство?

Д: в смысле?

Н перевернулся на спину. Пятно от фонаря всё ещё дрожало на потолке.

Н: Пустота — это когда ничего нет. А пространство — это когда есть место для чего-то. У тебя есть пространство. Просто ты его не заполняешь.

Д: может, мне нравится пространство

Н: Тогда это не скука.

Д: а что?

Н: Это свобода. Ты просто не знаешь, что с ней делать.

Она смотрела на экран. Свобода. Ещё одно слово. Но сейчас оно не казалось пустым. Может быть, потому что за окном выл ветер, а в комнате было тепло. Может быть, потому что он говорил с ней так, как не говорил никто.

Д: ты так говоришь, будто знаешь

Н: Я знаю только то, что проверил.

Д: и что ты проверил?

Н: Что если у тебя есть план — скука отступает. План — это как свечка в коридоре. Ты не видишь всей дороги, но видишь следующий шаг.

Она представила коридор. Тёмный. И свет. И кого-то, кто идёт впереди. Может быть, его. Может быть, её саму.

Д: слушай

Д: вот ты говоришь «нормально»

Д: а что у тебя нормально?

Н помедлил. Вопрос был простым, но ответ — нет. Он привык отвечать «нормально» всем. Д. Матери. Отцу. Себе. Но сейчас она спрашивала так, будто ей и вправду интересно.

Н: В смысле?

Д: ну что именно нормально? учёба? дом? родители? планы? что?

Н: Всё в совокупности. Система работает. Если где-то и бывают сбои, то революционный дух всё исправит.

Она вздохнула. Но она не отступала — не потому что было важно, а потому что было скучно. И потому что он был единственным, кто отвечал.

Д: а у меня ничего не работает

Д: просто скучно

Она отложила телефон на секунду. Потянулась. Встала. Всё-таки налила ещё чаю. Горячий. Хорошо. Вернулась. Легла. Взяла телефон.

Д: ладно, расскажи мне что-нибудь

Н: Что?

Д: не знаю. что угодно. только не скучное.

Н: Тогда сама выбирай тему.

Д: ну... расскажи про любовь

Она написала это и усмехнулась. Просто чтобы посмотреть, как он отреагирует. Просто чтобы заполнить паузу. Просто потому, что слово «любовь» звучало достаточно громко, чтобы разбудить даже такого, как Н.

Н: Про любовь — это сильно широко.

Д: ну не знаю. как на неё смотрят.

Д: твои философы.

Н сел на кровати.

Н: По-разному. Платон считал, что любовь — это стремление к целостности. Что когда-то люди были едиными существами, а потом боги разделили их пополам. И теперь каждый ищет свою половину.

Д: красиво

Н: Но непрактично. Шопенгауэр говорил, что любовь — это иллюзия, которую природа создала, чтобы мы размножались. Просто химия. Просто инстинкт.

Д: мрачно

Она улыбнулась.

Н: А Ницше считал, что любовь — это форма власти. Что в любви один всегда подчиняется, а другой — властвует. И это не плохо, если осознавать.

Д: а ты сам?

Н замер. Палец завис над экраном. Он мог бы ответить цитатой. Мог бы уйти в теорию. Но вместо этого написал правду.

Н: Я не знаю. Я проверяю гипотезы. Любовь пока не проверял.

Д: почему?

Н: Потому что для эксперимента нужны двое. А я пока — один.

Он остановился. Сердце стукнуло. И он добавил — не думая, не анализируя, просто потому что захотелось:

Н: Правда, была одна... давно. Ещё до всего. До Империи. До войны.

Д: и что с ней?

Н: Уехала. Далеко. Мы были детьми. Она смеялась — и всё становилось простым и прекрасным.

Д: и ты её любил?

Н: Я не знал тогда этого слова. Но если любовь — это когда два фонаря светят на одну дорогу... то да. Наверное.

Д: а сейчас?

Н: Сейчас она далеко. И это уже не важно. Просто — было. Я редко вспоминаю.

Д: но вспоминаешь

Н: Иногда. Чаще летом. Сегодня исключение.

Д сидела на подоконнике. За окном падал снег. Она смотрела на него и думала: «Он сейчас смотрит на снег. И я смотрю на снег. И это, наверное, ничего не значит. Но всё равно».

Д: красиво

Н: Что?

Д: Всё. И погода, и истории твои, когда не строишь империи свои эти.

Н прочитал это. Отложил телефон. Взял. Снова прочитал. «Красиво». Это было новое слово в их переписке.

Н: Я всегда строю. Это не снимается.

Д: а сейчас?

Н: Сейчас — нет. Сейчас я просто говорю с тобой.

Д: а симпатия?

Н: Что?

Д: симпатия — это тоже иллюзия? или форма власти?

Н: Симпатия — это, наверное, предчувствие. Когда ты ещё не знаешь человека, но уже чувствуешь, что он — твой. Или не твой.

Д: и как это работает?

Н: Не знаю. Но думаю, это работает не в голове. Где-то ещё.

Д: в сердце?

Д: Это мило)

Она действительно не смеялась. Она лежала и смотрела на трещину. Он говорил о симпатии, а она думала: «Он сейчас говорит обо мне. Он не скажет этого прямо, но он говорит обо мне».

Н: Аристотель говорил, что любовь — это одна душа в двух телах. Но это метафора. Я не уверен, что душа делится.

Д: а если не делится?

Н: Тогда любовь — это когда две души смотрят в одну сторону.

Д: красиво. сам придумал?

Н: Нет. Это Сент-Экзюпери. Но я думаю, он прав.

Д: ты читаешь слишком много книг

Н: А ты — слишком мало. Но это поправимо.

Д: может быть. когда-нибудь

Она отложила телефон. Не потому что разговор кончился. А потому что стало тепло. Не от чая — от слов. И это было странно. Она не привыкла к тому, что слова могут греть.

Ветер за окном всё выл. Снег всё падал. Трещина на потолке всё ждала, когда кто-то её заметит. А Д лежала и смотрела в темноту.

Д: ладно, я спать

Н ещё раз просмотрел переписку, нашёл её довольно интересной. Потом встал, подошёл к окну. Фонарь у подъезда всё ещё горел. Где-то далеко, в частном секторе, горел другой фонарь. Он не знал где. Но знал, что горит.

Он не знал, что она уже спит. И что ей снится не он. А просто — два фонаря на заснеженной дороге. И никого в свете.

2.1 «Кто контролирует всё»

Сквозь предрассветную тьму, цепляясь за островки света у фонарных столбов, по топтанным в единый кровеносный путь тропам двигались ученики. Они шли на свет школьных окон — не спасительный, а принудительный, как сигнал тревоги. Каждое утро они мысленно корили себя за то, что не остались под тёплым одеялом выдуманной болезни. Этот путь был ритуалом покорности, где бунт рождался в формате справки от родителей.

Шли они по нитям, соединяясь в единую систему. Все дороги вели в школу, и из школы можно было попасть в любую точку. Даже сквозь это тёмное пространство только начинавшего просыпаться утреннего зимнего дня ещё находились те, кто нёс факелы. Они воодушевляли в первую очередь себя самих — но этого хватало, чтобы не замёрзнуть по пути.

Н шагал сквозь этот поток — и одновременно над ним. Не смотрел по сторонам. Не проверял телефон. Сегодня всё это было декорацией. Фоном. Шумом.

Плечи расправлены. Подбородок — чуть вверх. Взгляд — вперёд, в точку, которой ещё не было видно, но которая уже существовала. Он не просто шёл в школу. Он вступал в новый день как несущий свет. Не оглядываясь. Не сомневаясь. Не замедляя шага.

В куртке-пальто, с сумкой с тетрадами (учебники мало кто открывал, тем более в конце четверти), смотрел он вперёд, ещё только начиная шевелить искры своего разума.

Слева был ставок — небольшой пруд, затянутый льдом и присыпанный снегом. Летом там квакали лягушки, сейчас — тишина. Чуть дальше — кафе, продуктовый и недавно поставленный фургон, который завывал до предела цены, наживаясь на школьниках.

Спрос. Предложение. И никакой совести.

День был чудесный. Не важно, что будет дальше — в моменте Н чувствовал, что всё будет отлично. Он шёл и улыбался — не широко, не на показ, а краешком губ. Внутренняя улыбка, которая не требовала свидетелей.

У входа в школу он на секунду остановился. Поднял голову. Серое здание, облупившаяся штукатурка, красивая табличка с героем, трещина над крыльцом. Но сегодня даже она казалась частью декора.

Шаг внутрь.

Школа встречала их ярким светом люминесцентных ламп — ослепляющим, для неподготовленных глаз хирургическим светом, вскрывающим все ночные иллюзии. Но в этом здании стояла другая, невидимая реальность, стопорившая его работу, изнемогающая в первую очередь учителей — бюрократия. Она была не просто ржавчиной, разъедающей систему. Она была её новым скелетом, её парадоксальной душой.

Этот Обелиск Просвещения возвышался как величественный монумент, указующий путь к знанию. Но чем выше был его шпиль, тем длиннее становилась тень, которую он отбрасывал. В этой тени и ютилась реальная школьная жизнь — не в сиянии вершин, а в сумерках формальностей. Сам Обелиск оставался недостижимым идеалом, в то время как у его подножия ученики и учителя блуждали в лабиринтах отчётов и инструкций.

Бюрократия создавала свою собственную реальность — точную копию жизни, но лишённую её сути. Как эти яркие лампы имитировали солнечный свет, так и бесконечные отчёты имитировали образовательный процесс. Урок превращался в галочку в журнале, знание — в бесполезную внеурочную деятельность, личность ученика — в строчку в таблице. Всё живое и спонтанное немедленно облекалось в форму, протоколировалось и подшивалось в папку под названием «Рабочие материалы». Учителя, как жрецы этой системы, уже не учили мыслить — они учили заполнять. Ученики не познавали мир — они осваивали искусство соответствовать критериям.

Это была идеальная иллюзия: снаружи — движение, шум, кажущаяся жизнь, а внутри — мёртвый круговорот бумаг, где каждая квитанция о проведённом мероприятии была надгробным памятником настоящему образованию. Бюрократия, как злой демиург, создала мир-симуляцию, где ценилась не суть, а её документальное подтверждение.

Но даже в этом выхолощенном пространстве оставалось поле для битвы. Для таких, как Н, школа была не тюрьмой, а полигоном. Не самой удобной местностью, но не полководцам выбирать поля сражений. Здесь можно было оттачивать стратегии, изучать слабые места системы, учиться отличать формальное от настоящего и вести тотальную пропаганду своих идей. Эти стены были его песочницей перед штурмом большого мира.

За окнами погода пребывала в нерешительности, словно и сама ещё не проснулась. Ей только предстояло явить свой новый образ миру.

А коридоры школы тем временем жили по своим, особым законам. Воздух густел от запахов пальто, школьной столовой и детского хаоса, который не запретит ни один устав. Потёртый линолеум хранил в своих царапинах следы тысяч таких же утренних спешек. Это был целый мир в миниатюре — уставший, суетливый, но неумолимо живой.

Двери. Турникет. Охранник — пожилой мужчина в синей форме — поднял голову от журнала (и телефона в нём)

— Здрасьте, — бросил Н, не сбавляя шага.

— Здравствуй, — охранник кивнул и снова уткнулся в свои дела.

Дальше — холл. Здесь было светлее, но не уютнее. Лампы гудели. На скамейках вдоль стен сидели переобувающиеся. У стенда толпились пятиклашки — тыкали пальцами в бумажку, спорили, несли бред.

У лестницы стоял Илья. Его класс сегодня дежурил. У всех дежурных были бейджи: на одной стороне — настоящие имена, на другой уже творился хаос. Кто-то писал свои никнеймы, кто-то просто замазал фамилию корректором. У Н тоже был такой. Нетрудно догадаться, что он туда вписал.

Илья размахивал своим бейджем — всё равно нечего было делать. Увидев Н, он улыбнулся, чуть приоткрыв рот.

— Опа! Привет!

— Привет. Ты что, дежуришь?

— Ага. Стой тут, следи, чтоб не бегали. Ещё и нельзя выбрать, где дежурить, — он закатил глаза. — Скукота.

— Ну, удачи.

— Ага, давай.

Подъём. Ступени, стёртые тысячами ног. Перила, выкрашенные серым, местами облупившиеся до металла. Навстречу спускались двое из параллельного — пробежали, едва не задев плечом. Н не обернулся.

Второй этаж.

Здесь гнездились младшеклассники. У подоконников сидели на корточках, прижимаясь спинами к стенам — уже уставшие, хотя день только начался. Кто-то зевал, кто-то доедал булку из дома. Один, совсем мелкий, лежал на рюкзаке прямо на полу, раскинув руки, и смотрел в потолок. Эта усталость была особой — временной. К следующей перемене она пройдёт, сменится беготнёй и криками. А пока — тишина и полуприкрытые веки.

Из толпы малышей вынырнул пацан — класс третий-четвёртый, Н был его наставником на тренировках. Хоть пацан и бросил, но учителя не забыл. Увидел Н и просиял.

— О, здрастьте!

— привет, — Н кивнул.

Пацан ещё что-то хотел сказать, но Н уже прошёл дальше. Не из пренебрежения — просто не было времени. Да и что обсуждать с младшеклассником?

Н прошёл дальше. Их класс теперь был здесь, на втором этаже — прямо по коридору, налево за угол. Переместили сюда только в этом году. До этого они сидели в кабинете химии, среди пробирок и таблицы Менделеева на украинском, а теперь вернулись в свой родной класс — тот самый, где учились с начальной школы. Стены помнили их ещё детьми. Та же доска, но новые парты. Тот же вид из окна на старое дерево, но новый вид на новые стремления.

Н зашёл в класс. Скинул куртку. Сумку бросил возле себя. Сам — за парту. Не сел — завалился. По-хозяйски. Как будто это не школьная мебель, а трон. Вытянул ноги. Оглядел класс. Почти пусто — только пара человек сонно листали телефоны. До звонка оставалось минут десять.

Дверь хлопнула. Имперцы. Все трое почти один за другим.

Первым — h. Высокий, ростом с Н, но уже — сутулый. Не от слабости — от привычки быть незаметным. Волосы короткие, почти под машинку — не потому что нравилось, а потому что не хотел их растить. Знал: начнут отрастать — получатся кудри. А кудри ему были не нужны. Глаза — карие, спокойные. В них редко что-то читалось, но если читалось — то всерьёз. Одевался он просто: джинсы, белая кофта. Выглядел уставшим — и был уставшим. По вечерам он программировал, потом до ночи рубился в CS2, а утром приходил в школу с красными глазами и абсолютным спокойствием. Никто не знал, спит ли он вообще. h был из тех, кто не придаёт значения внешнему. Но внутри у него была своя система.

За ним — Л. Полная противоположность. Невысокий, светловолосый, с быстрыми, немного дёргаными движениями. Он всегда куда-то спешил — даже когда спешить было некуда. Одевался просто, но аккуратно. Он много жестикулировал, часто смеялся, но в смехе его иногда проскальзывала нервозность. Л недавно вернулся в город после долгого отсутствия — и всё ещё привыкал. К школе. К классу. К тому, что многие стали другими.

Последней — К. Невысокая, волосы собраны в хвост. Очки в тонкой оправе. Улыбчивая, но не навязчиво. Она всегда держалась чуть позади, будто давая другим пространство. Но когда говорила — её слушали. В ней было что-то, что Н у себя в голове называл «здравым смыслом». Она не строила империй — она просто была рядом. И этого хватало.

— Привееееет! Наконец ты вышел! — К улыбнулась, когда Н зашёл в класс.

— Как прошло награждение? — тут же подхватил Л, подходя к парте.

— Прекрасно, — Н не пошевелился. — Хотя могли и получше. Но суть не в этом. Главное — это знак. Ещё один знак, что близок день моего триумфа.

— Началось, — пробормотал h, усаживаясь за свою парту, но тут же хмыкнул. — Ты каждый раз так говоришь.

— И каждый раз оказываюсь прав.

— Ну да. Один раз из двух.

— Чаше. Гораздо чаще.

— Ладно, — Л хлопнул ладонью по столу. — Кто там был? Что говорили?

— На награждении? Обычные люди. Министр, пара чиновников, ещё какие-то школьники.

— И что министр? — спросила К.

— Уставший. Говорил заученные фразы. Я с ним сфоткался, но это так, для галочки.

— Для галочки, — Л кивнул. — А сам-то ты как?

— Та нормально. Я знал, что меня наградят и я победоносно вернусь. Всё по плану.

— У тебя всё по плану, — сказал h. — Кроме погоды.

— Погода тоже по плану. Просто не по моему.

— А по чьему?

— По своему. У погоды свой план. Я его пока не контролирую.

— А что ты контролируешь? — спросила К.

— Себя. Этого хватает.

— Хватает для триумфа?
— Хватает для начала. Триумф — это потом. Сегодня вечером, например.
— Дискотека? — Л поднял бровь.
— Она самая.. Но для меня это событие.
— Почему? — спросила К
— Я жду, что этот вечер изменит всё. А в случае чего, я эпично уеду с этого недобала, как Чацкий!

— Думаешь, что сегодня что-то будет?
— Я чувствую. Три события за три дня — это система. Судьба работает по моему графику. Она привела меня к награждению. Она привела меня к знакомству. Теперь она приведёт меня туда, где всё решится. Это не случайность. Это закономерность.

— А если ничего не решится? — спросил Л.
— Решится. Я знаю. Судьба благоволит. Я проверял — она не подводит.
— Чацкий тоже верил, — заметил h. — В Софью. В бал. В то, что его поймут.
— Чацкий верил в другого человека. А я — в судьбу. Это разное. Человек может предать. Судьба — нет. И потом — Чацкий приехал с претензией. Он хотел, чтобы мир его понял. А я хочу понять, взять своё и изменить!

— Чацкого объявили сумасшедшим, — добавил Л.
— Знаю. Меня тоже. Я в курсе, что кое-кто считает меня чуть сумасшедшим, — Н усмехнулся. — Но мне-то что? Пусть думают что хотят. У меня свои планы. А эти гедонисты недоделанные пусть ворочаются у себя в сером плену. Это их выбор. Мой — другой.

— И в чём твой выбор? — спросила К.
— Идти вперёд. Не стоять на месте. Не быть серым. Они думают, что я странный? Пусть. Зато я не тону в их серости. Зато я строю. Зато я знаю, чего хочу. А они — нет. Они просто плывут.

— А сегодня? — спросил Л. — На дискотеке — они же там будут. Эти самые.
— Будут. И я на них посмотрю. Может быть, они не безнадёжны. Может быть, кто-то из них тоже хочет вырваться. Но если нет — я не расстроюсь. Я иду не за ними. Я иду за собой. И я точно знаю: сегодня всё получится.

— Почему? — спросила К.
Н посмотрел на неё. Потом на h. Потом на Л.
— Потому что я — Товарищ Император. Вот почему.

И в тот миг, произнося эти слова, он видел уже не классную комнату, а нечто грандиозное. А его друзья видели его — уставшего, немного нелепого, но безгранично в себя верящего. И в этом была своя, особенная правда.

Л хотел что-то сказать, но осёкся. К улыбнулась. h чуть заметно кивнул.
За окном класса, на голой ветке старого дерева, сидел дрозд. Он ожесточённо долбил клювом замёрзшую красную ягоду, приставшую к коре. Ледяная корочка с хрустом поддавалась, птица торопливо глотала холодные крошки, потом замерла на мгновение, настороженно склонив голову набок. Предчувствуя надвигающийся момент урока, птица вспорхнула и улетела в парк.

После очень интересного и активного сидения за партами Н вновь воссоединился со своей командой в коридоре.

Перед математикой был классный час. Вернее, его подобие — последний день четверти, всем всё равно. Классный руководитель, учительница русского и литературы, Татьяна Владимировна, заполняла журнал. Она была из тех, кто не лез в душу, но и не отпускал совсем. Ровная. Спокойная. Умеренно строгая. Иногда — с улыбкой, когда кто-то удачно шутил.

— Д, — позвала она, не поднимая головы. — Отнеси списки в столовую.

Д поднялась. Прошла через класс, не глядя по сторонам. Забрала бумаги. Вышла. Н проводил её взглядом — ровно на секунду дольше, чем нужно. Никто не заметил. Кроме, может быть, h.

Класс жил своей жизнью. Н оглядел его — не из праздного любопытства, а по привычке. Поле боя нужно знать.

Вот, у окна — Андрей. Худой, молчаливый. Его мир — мотоциклы. Железо, бензин, механика. Тетради присутствовали (на том спасибо), в голове — схемы двигателей.

Чуть дальше — Адам. Со шрамом на руке, увлекался роком. Программист-самоучка. Мог часами сидеть в телефоне, что-то печатая. Компания бездельников считала его своим. Но он был другим — просто не показывал.

А вот Кирилл — тот самый, кто был центром этой компании. Громкий, наглый, вечно с историей про то, как он вчера «оторвался». Пил, курил, хвастался этим. Н находил его противным. Не из моральных соображений — просто Кирилл был пуст. Ни увлечений, ни мыслей, ни планов. Только шум.

Остальные из этой компании и ряда, на котором они сидели, особенного ничего не представляли.

В углу, у шкафа, сидели две девочки. Одевались во всё чёрное, красились мрачно, слушали что-то тяжёлое. Не то готы, не то ещё кто — Н не вникал. Но они хотя бы не притворялись теми, кем не были. Уже за это он их не осуждал.

Ближе к центру — компания Родиона. Сам Родион — компанейский, за движуху, улыбчивый. Катя — бойкая, смешливая. Мирослава — потише, но также довольно интересная. Соня — та, кто помогал Н на химии. Он помогал ей на других предметах. Из-за своей некой токсичности и образа жизни вызывала у Н моментами раздражение. Но Н признавал: кадр ценный. Умная. Если не переходить грань — можно работать.

С ними Н поддерживал нечто вроде дружбы. Не близкой, но и не холодной. Иногда перебрасывались фразами, иногда спорили. Кто-то из них, наверное, считал его сумасшедшим, но и умным. Н знал это. Пусть.

Были тихони. Были отстранённые. Класс как класс. Обычный. Серый. Со своими группами, своими войнами, своими перемириями. Главным преимуществом этого класса Н считал себя. Не из гордости — из факта.

Он перевёл взгляд на доску. Татьяна Владимировна закончила с журналом и вышла. Через минуту в класс вошла Ирина Алексеевна. Началась математика.

Она была из тех учителей, которых любили не за страх, а за что-то другое. Невысокая, немного крупноватая, с морщинками вокруг глаз — не от строгости, а от привычки улыбаться. Она не повышала голос. Не стучала указкой. Не угрожала двойками. Просто входила в класс — и становилось спокойно. При ней старались не беситься. Не из страха — из уважения. Уважать учителя, который не унижает в ответ — это было в новинку. Ирина Алексеевна умудрялась учить так, что материал сам оседал в голове. Не вдабливала — объясняла. Терпеливо. С улыбкой. Даже когда кто-то тупил, она не злилась. «Ничего, — говорила, — сейчас ещё раз». И объясняла. И на третий раз доходило.

Н ценил её. За доброту и эффективность. За то, что она не мешала. Она вела урок, а он думал о своём. Иногда эти мысли были далеки от математики. Иногда — нет.

Урок стартовал с тишины. Той самой, напряжённой, когда никто не хочет привлекать внимание. Ирина Алексеевна раскрыла журнал. Первые пятнадцать минут ушли на переключку и заполнение граф. Класс замер.

Н смотрел в окно. Дрозд вернулся на ветку. Ягода всё ещё держалась. «Функция времени, — подумал Н. — Птица зависит от ягоды. Ягода — от мороза. Мороз — от зимы. А я? От чего завишу я?» Он сам себе улыбнулся. Даже тут он искал систему.

Он провёл черту в тетради — без цели, просто чтобы занять руку.

«Человек — тоже функция. Множество переменных. Родители, школа, книги, случай. Всё влияет. Но разница в том, что функция не выбирает, кем ей быть. А человек — выбирает. Я выбрал. Я строю себя сам. Я — аргумент и результат одновременно».

Он усмехнулся. Слишком философски для утра. Но по-другому не умел.

Тишину разорвал смех. Группа Кирилла зашевелилась. Ирина Алексеевна подняла голову.

— Так. Открываем тетради. Тема сегодняшнего урока — функции. Повторение.

Класс застонал. Л сзади прошептал: «Ну так хорошо всё начиналось». h молча открыл тетрадь. К улыбнулась, не подала виду (она сидела на первой парте).

Ирина Алексеевна вызвала h. Тот вышел, повозил мелом, стёр, снова написал. Бесплезно.

— Кто поможет?

Тишина.

— Н.

Он встал. Подошёл к доске. Взял мел. Рука пошла быстро, без остановки — цифры, знаки, график. Он не думал о математике. Он думал о том, как странно устроен класс: одни не могут решить простейшее, другие не хотят. А он — может. И в этом разница. Эту странность он называл гедонизмом и всегда шёл против неё.

Мел стучал ровно. Минута — и готово.

Ирина Алексеевна подошла, пробежала глазами.

— Умница. Садись. Пять.

h положил мел и вернулся за парту. h хмыкнул. К улыбнулась. Урок пошёл дальше.

Урок закончился. Прозвенел звонок, но никто не вскочил с места. Первая перемена всегда была сонной. Класс не столько отдыхал, сколько досыпал. Кто-то положил голову на скрепленные руки. Кто-то уткнулся в телефон, даже не листая ленту — просто смотрел в экран. Кирилл зевнул так громко, что сзади сидящие дали ему оплеуху. Он не отреагировал. Все хотели спать.

h не хотел. Но и бодрствовать не было причин. Он откинулся на стуле, закинул руки за голову и уставился в потолок. Там, по побелке, шла тонкая трещина. Он смотрел на неё и думал о чём-то — сам не зная о чём. Мысли текли лениво, без направления. Иногда полезно было, как это он говорил, стратегически перегруппироваться.

Он смотрел на трещину и думал. Не о математике. О себе.

«Стратегическая перегруппировка, — повторил он про себя. — Красивое слово. Только от чего я перегруппировываюсь? От усталости? От ожидания? Или от страха?»

Он не любил это слово — «страх». Оно не входило в его лексикон. Страх — это для тех, кто не планирует. Кто не знает, что будет завтра. А он знает. Он всегда знает.

Но сегодня — сегодня что-то было иначе. Как будто внутри, под слоем стратегий и планов, дрожала тонкая струна. Негромко. Почти незаметно. Но он слышал её.

«Это пройдёт, — сказал он себе. — К вечеру пройдёт. Когда всё начнётся».

Струна дрожала. Он закрыл глаза. Трещина на потолке всё ещё была там. Старая, с прошлого года. Она никуда не делась. Как и он.

Класс жил вокруг него своей тихой, сонной жизнью. Соня и Мирослава переписывали домашку. Родион бесился с Катей. Где-то в коридоре слышался смех — не из их класса. Чужой. По ощущениям, кто-то кого-то зарезал.

h перевёл взгляд на доску. Она была исписана с прошлого урока — кто-то из дежурных поленился стереть. Но дело было не в этом. Дело было в маркере. С начала года класс мучился: мел был плохой. Дело было и в доске, и в меле. Он оставлял на доске бледные, едва заметные линии. Если свет падал из окна — а окна в классе были большие, и солнце било прямо в доску — прочитать написанное становилось невозможно.

Н вспомнил случай на физике. Самостоятельная. Учитель написал условия на доске. Он сидел за третьей партой — не самая дальняя, но в тот день солнце светило особенно ярко. Н всматривался в доску, кое-как понял задание. Последние даже не заметил, не было видно. Получил четыре. Не пять. Из-за мела.

Тогда он решил: хватит это терпеть. После уроков он побежал в канцелярский. Там пахло бумагой и дешёвым пластиком. Продавщица — женщина с уставшим лицом — подняла на него глаза.

— Мне маркер, — сказал Н. — Самый лучший.

— Для доски?

— Да.

Она протянула упаковку. Маркер был дорогой, не то, что школьные. Н заплатил и на следующий день принёс.

— Это что? — спросила Татьяна Владимировна, увидев маркер.

— Я решил взять ситуацию в свои руки, — Н положил его на парту. — Против системы.

Л хмыкнул, сказал:

— Наконец-то. Я уже устал вглядываться.

Н кивнул. Теперь всё будет видно. Позже всё же нашли хороший мел, который пробивал даже эту доску.

Следующим уроком была история. В класс вошёл Михаил Сергеевич — молодой, худощавый (как он говорил, солнышком питаюсь), с короткой стрижкой и клетчатой кофтой. Он только выпустился, пытался завоевать авторитет. Пытался — но пока без особого успеха. Энтузиазм у него был, небольшой. Класс это чувствовал и относился скорее нейтрально. Не то чтобы не уважали — просто не воспринимали всерьёз. Всем было интересно с ним говорить, к нему относились скорее как к необычному другу, чем к учителю. Иногда это работало. Иногда — нет. На его уроках можно было сидеть в телефоне, перешёптываться и даже дремать — он не орал, не выгонял. Просто просил потише. Иногда срывали уроки. Иногда слушали. Зависит от настроения.

У него была одна особенность — он спрашивал всех. Не выборочно, не по журналу, а именно всех. И каждый раз, вызывая кого-то, он возвращался к одной и той же теме: Антанта и Тройственный союз.

— Россия, Франция, Британия, — повторял он почти умоляюще. — Антанта. Запомните. Это важно. Ну пожалуйста.

Особенно доставалось Соне, Мирославе и Кате. Уже стало традицией: на каждом уроке Михаил Сергеевич вызывал одну из них и спрашивал про Антанту. Они путались, забывали, меняли Британию на Германию, и он всякий раз вздыхал:

— Ну как так можно? Я ж вам уже столько раз говорил...

Сегодня тема была другая — Русская революция. Но Н знал: Антанта всё равно всплывёт. Он открыл тетрадь и записал число. Мысли потекли своим чередом.

«Революция. Переворот. Слом старого и рождение нового. Ленин — человек, который перевернул страну. Пришёл не по наследству — взял сам. Из хаоса создал систему. Из толпы — армию. Из идеи — государство. Это не просто политика. Это воля».

Он провёл ручкой черту.

«Наполеон... Тоже хаос. Тоже человек, который встал над всеми. Тоже революция. Революция — товарищ. Потом — император. Товарищ Император».

Н усмехнулся. Вот оно. Стыковка. Он не случайно так выбрал. Оно было записано в истории. Даже тут — судьба. Осознанная.

Михаил Сергеевич тем временем вызвал Родиона. Тот встал, потянулся, как будто только проснулся, оглядел класс и начал:

— Значит, так. Революция. Это когда всё... ну... Как происходило в те времена: шли немцы, значит. Их били-били. Вооот такая винтовка была тогда — длинная, тяжёлая, приклад деревянный, штык — во! А у других пулемёт. Брали и прямо так: ра-та-та-та-та! По всем направлениям! Пули летят — вжих-вжих! А ты в окопе. Грязь. Холод. Крысы. Крысы — они, знаете, тоже воевали. У них своя война была. Но это неважно. Важно, что там ещё Китай был. Помню, как его обороняли. Беспилотники летят — ж-ж-ж-ж — а мы их из пулемёта. Один сбили, второй сбили, третий — тоже сбили. Они падают, взрываются, а немцы идут. И газ! Хлор! Зелёный такой, тяжёлый. Все в противогазах, как слоны. Ничего не видно! Я кричу: «В атаку!» — а сам не знаю, куда бежать. Бегу. Стреляю. Вдруг — ядерка летит. Ба-бах! Гриб. Огромный. Я падаю, встаю, отряхиваюсь — а на мне уже орден. Императорский. От кого? От этого... как его... который всегда был... который трубку курил... Сталин! И Черчилль! Они вместе стояли, курили и говорили: «Ну, Родион, ты даёшь. Спасибо за службу». А я им: «Служу Советскому Союзу!» Хотя Союза ещё не было. Но это неважно. Потому что история — она, знаете, такая штука... непростая... в ней разбираться надо.

Он замолчал. А потом грянул хохот. Смеялись все — даже те, кто обычно не смеялся. Л рыдал, сползая под парту. К утирала слёзы обеими руками. И уронил голову на руки, и плечи его тряслись. Андрей, всегда спокойный, вытирал глаза. Компания Родиона, Кирилла тоже не были в спокойствии. Больше всех понравилось Н. Он сидел полуживой.

Михаил Сергеевич стоял. Он явно не знал, плакать ему или смеяться. Наконец он надел очки, выдохнул и сказал:

— Родион. Ты сейчас объединил в одном рассказе просто всё. Я даже не буду спрашивать, откуда ты это взял. Я просто поставлю тебе четыре.

— Почему четыре? — удивился Родион.

— Потому что пять — это за правильный ответ. А это... это было смешно, но абсолютно мимо. Садись. Четыре. За искусство.

Родион сел, явно довольный собой. Класс всё ещё всхлипывал. Михаил Сергеевич покачал головой и повернулся к доске.

Н отсмеялся и снова ушёл в себя. Родион, конечно, нёс чушь. Но в его чушь была своя правда — история ведь и правда состоит из кусков, которые каждый собирает как хочет. Одни видят в революции хаос, другие — порядок. Но никто не видит всей картины.

«Экономика, — подумал он. — Вот где настоящая революция. Не винтовки, не баррикады. Производство. Ресурсы. Торговля. СССР рухнул не потому, что кто-то проиграл войну. Он рухнул, потому что проиграл экономику. Америка задавила не оружием — долларом. А доллар — это просто бумага, в которую все верят. Вера — вот основа экономики. Парадокс».

Он посмотрел на доску. Михаил Сергеевич объяснял причины революции — старательно, но без огонька. Половина класса не слушала. Кирилл рисовал что-то на полях. Адам сидел в наушниках. Соня списывала у Мирославы.

«Но экономика — это тоже не всё. Человек — не только производство. Ему нужен сон. Режим. Физические нагрузки. Если ты не спишь — ты не думаешь. Если не думаешь — проигрываешь. В любой революции побеждает тот, кто лучше выспался. Наполеон спал по четыре часа. Ленин — по пять. Я сплю по шесть. Это мой стандарт. Мой режим. Моя...»

— Н!

Он поднял голову. Михаил Сергеевич смотрел на него — уже не умоляюще, а с любопытством.

— Ты с нами? А то у тебя такой вид, как будто ты сейчас не о революции думаешь.

— Я о революции, — Н оживился.

— Ну давай. Расскажи.

Н начал свою речь, не вставая с парты, стучая по ней, в моментах с акцентом, и эти жестикующие окончания окончательно выбивали всех, кто был рядом.

— Революция семнадцатого года — это не просто бунт. Это тектонический сдвиг. Причин было множество: экономический кризис, инфляция, голод, усталость от войны, слабость власти, неспособность к реформам. Но если посмотреть глубже — всё это следствия одной фундаментальной проблемы: неравномерности развития.

За окном темнело. Не резко — медленно, как будто небо само хотело послушать. Облака сгущались. Свет в классе стал резче — лампы боролись с наступающей серостью. Тени на лицах стали длиннее.

Н говорил. И мир за окном затихал. Ни ветра. Ни птиц. Только его голос и скрип мела. Н, соседу по парте, уже стало плохо от его речей.

— Представьте: страна — это организм. У неё есть ресурсы, есть население, есть элиты. Если ресурсы распределены неравномерно, если элиты не справляются с управлением, если население не видит перспектив — организм заболевает. Революция — это лихорадка. Организм пытается выжечь болезнь. Иногда это получается. Иногда — нет.

— Н, — Михаил Сергеевич поднял руку, — ты начинаешь лекцию по макроэкономике. У нас вообще-то история.

— История без экономики — это просто набор дат, — Н даже не запнулся. — СССР рухнул не потому, что кто-то проиграл войну. Он рухнул, потому что проиграл экономику. Плановая система не смогла прокормить себя сама. Америка — смогла. И навязала всем свой доллар. А доллар — это не просто бумажка. Это вера. Миллионы людей верят, что зелёная купюра чего-то стоит. Убери веру — и экономика рухнет. Это не магия. Это психология масс.

— Мы сейчас говорим о революции или о долларе? — Михаил Сергеевич уже не пытался остановить, просто наблюдал.

— О революции. Потому что революция — это всегда про доверие. Когда люди перестают верить власти — она падает. Когда перестают верить в будущее — выходят на улицы. Когда перестают верить в себя — начинается распад. СССР распался, потому что в него перестали верить. Ленин победил, потому что в него поверили. Наполеон — потому что в него поверили. Вера — это топливо истории.

Он попросил воды у одноклассников. Выпил. Продолжил.

— Но вера — это не всё. Человек — это не только идеология и экономика. Это биология. Генетика. Вы слышали про генетические ножницы? Технология, которая позволяет редактировать ДНК. Через двадцать лет мы сможем менять человека на уровне кода. Кто контролирует гены — контролирует эволюцию.

— Н, — Михаил Сергеевич ударил рукой по лбу, — ты сейчас от революции семнадцатого года перешёл к геной инженерии. Ты вообще помнишь, с чего начал?

— Помню. С причин. Но причины нельзя понять без следствий. А следствия нельзя понять без контекста. А контекст — это вся история человечества. От палки-копалки до биоинженерии. Всё связано.

— И что, по-твоему, связывает палку-копалку и генетические ножницы?

— Нищше, — Н повернулся к нему. — «Человек — это канат, натянутый над пропастью между животным и сверхчеловеком». Палка-копалка — отголосок животного. Технологии — путь к сверхчеловеку. А мы — канат между ними. Мы всё ещё висим. И каждый день делаем выбор: назад, в животное, или вперёд, в сверхчеловека. Революция — это когда канат дёргается. И все, кто на нём висел, падают. Остаются только те, кто удержался. Или те, кто прыгнул вперёд.

Ветер ударил в окно — низкий, протяжный. Как будто сам воздух натянулся канатом между животным и сверхчеловеком.

Класс молчал. Кто-то немного посмеивался, все были довольны, что их не спрашивают.

— Ещё Дарвин говорил: выживает не самый сильный и не самый умный, а самый приспособленный. Приспособленный — это тот, кто умеет меняться. Революция — это и есть

момент изменения. Кто не успел — тот проиграл. Кто успел — тот живёт. Ленин успел. Наполеон успел. Я — успеваю. Потому что я готов. Потому что у меня есть план. Потому что я знаю: режим дня, зарядка, книги, анализ — это не просто привычки. Это оружие. И тот, кто владеет этим оружием, — владеет будущим.

Он замолчал. Перестал бить по парте. Михаил Сергеевич несколько секунд смотрел на него молча.

— Н, — сказал он наконец. — Ты начал с революции семнадцатого года, прошёл через макроэкономику, генную инженерию, Ницше и закончил зарядкой. Я не знаю, что тебе поставить.

— Поставьте пять, — спокойно сказал Н. — Я считаю, заслуженно.

Михаил Сергеевич вздохнул, он знал, что Н единственный, кто хоть что-то знает по истории в этом классе.

— Ладно. Пять. Но в следующий раз — прошу тебя — начни с темы и закончи темой. Хотя бы притворись.

— Я подумаю, — Н кивнул и вернулся за парту.

Ветер стих. Так же внезапно, как начался. Облака чуть разошлись — совсем немного, но достаточно, чтобы солнце ударило в окно. Луч упал на доску. На ручку, которую держал Н для уверенности. На его лицо.

И в этой тишине — после бури, после речи, после всего — Н чувствовал, что стало наконец интереснее.

Л сзади прошептал:

— Моё почтение, уже урок кончается.

— Чтобы вы делали без меня, — Н пожал плечами.

— Та ладно, — Н хмыкнул. — Ты им рассказал про генетические ножницы. На истории. Про революцию.

— Ты вообще нормальный? — Н не увидел, не заметил, кто это сказал.

— Нет, и это хорошо, — Н улыбнулся. — Это не мешает.

К смотрела с интересом. Михаил Сергеевич всё ещё стоял у доски, качая головой. Урок завершился.

2.2 «Марш»

— Ну что, господа имперцы, — Н хлопнул в ладоши и вскочил с парты, — кажется, мы отсидели ещё один урок.

— Было бы интереснее, не будь так скучно, — проговорил h, но в голосе его не было обычной усталости. Скорее просто сонливость.

— К сожалению, — Н прислонился к стене, но глаза его горели. — Если бы не конец четверти, я бы лучше застрелился. Фигурально, разумеется. Пушки пока только в моём арсенале планов. Но сегодня — сегодня я бы даже из пушки стрелять не стал. Слишком хороший день.

— О, ожил, — Л ткнул его в плечо, но не для того, чтобы остепенить, а чтобы раззадорить. — Пошли развеемся! h, ты тоже с нами. Хватит сидеть.

— Наконец-то! — Л уже был у двери. — А то я чуть не уснул.

Распахнув двери класса, они вышли в коридор.

Второй этаж встретил их теплотой — но не той, что греет. Скорее — желтоватой, как старые обои в квартире бабушки, которую давно не навещали. Стены здесь были выкрашены в бледно-персиковый, местами облупившийся до серой штукатурки. Солнце, пробивавшееся сквозь пыльные окна, ложилось на линолеум длинными золотыми полосами. Красиво — если не вглядываться. А если вглядеться — видны были трещины. Видны были царапины. Видны были следы от ботинок, которые никто не стирал годами.

— Мы как три мушкетера! — Н, как обычно, не удержался от сравнения.

— А кто д'Артаньян? — спросил Л.

— Меня и за двоих можно считать, — отвечал Н. — Оно в принципе так и есть. Даже за троих.

— Это у тебя мания величия или точный расчёт? — h зевнул.

— Провидение.

Они шли по коридору, наматывая круги. Впереди показался актовый зал — большое помещение с двойными дверьми, ещё деревянные, советские. В принципе, ремонт остался в том же времени. В конце коридора, за углом вышло скопление людей. Другой класс. Не тот, где учился Н.

Этот был хуже.

Н знал их. Знал, но не пересекался без нужды. Эти были ещё большими гедонистами, чем Кирилл с компанией. Продукты общества в чистом виде. Сидели, ржали, тыкали в телефоны. Кто-то курил прямо у окна, выпуская дым в приоткрытую форточку. Творили всякие безумства, что в школе, что на улице.

Ни мыслей, ни планов — только шум. Они напоминали Н аквариумных рыб: рты открываются и закрываются, но слов не слышно. Один бессмысленный пузырьковый танец.

Н прошёл мимо, не глядя. h и Л — тоже.

— Знаешь, в чём сила нашей империи? — философски заметил Н, обходя группу пятиклашек. — В разведке. На каждом этаже со мной так или иначе здороваются. Моя агентурная сеть раскинулась на все классы.

— Сетью-то раскинуло, а толку? — усмехнулся Л. — В прошлый раз твой «агент» из параллели дал задания, и они не сошлись.

— Не надо! — парировал Н. — Вспомни. Были и удачи.

Шумные коридоры поглощали все звуки, и это было удобно. Втроём они отлично слышали друг друга, в то время как их собственные голоса терялись в общем гуле. Гул этот был особый — многослойный. Крики, смех, хлопанье дверей, чьи-то шаги, чей-то телефон, играющий музыку без наушников. Всё это сливалось в единый школьный гул — такой же привычный, как тиканье часов в пустой комнате.

— Смотрите, — кивнул h, указывая на школьника, ко всем подходившего с навязчивым предложением.

— Переходите в этот банк, — подошёл он к их тройке. — Введите мою ссылку, и получите деньги!

Парень был невысокий, в мятой рубашке и взъерошенными волосами. Глаза у него горели. Он не особо воспринимал, что делает.

— Что этот сумасшедший хочет? — спросил Н.

— Ты что, не в курсе? — удивился Л. — Им за приглашение друга деньги дают.

— Меня уже три человека так спрашивало, — с раздражением сказал h. — «Не хотите в наш банк?»

Безумный школьник, не получив ответа, побежал дальше агитировать весь этаж, включая завуча.

Н с холодным отвращением наблюдал за агитатором.

— Смотрите, — его голос прозвучал звеняще-чётко, — апофеоз системы. Думает, что он зарабатывает, и в целом, оно так есть. Он продаёт... только не товар, а себя и своих друзей.

Он сделал театральную паузу, обводя друзей взглядом пророка.

— Вот, — указал он на разбегающихся от агитатора людей, — типичный пример капитализма. Да, банк может, и хороший, и удобный... Но такими темпами сначала они будут рекламировать оружие, а потом так же легко продадут и кого-нибудь из своей семьи. — Он говорил с видом пророка, обличающего пороки мира.

Н воздел палец вверх, его глаза горели.

— Но самое страшное — они заставляют нас торговать друг другом! Они превращают саму человеческую близость в разменную монету! Это цифровой каннибализм, где мы поедаем друг друга за электронные конфетки!

Его голос гремел, хотя он говорил негромко:

— Запомните: сегодня вам, даже не замечая этого, дадут право продать место другу, а завтра — ваше будущее. А когда-нибудь так же легко продадут и вашу совесть. Потому что для них всё имеет цену — и ничто не имеет ценности.

Он замолчал, дав словам осесть в сознании друзей. Даже Л, обычно скептический, смотрел на него с невольным уважением.

— Или ты немного преувеличиваешь? — усмехнулся Л.

— Нисколько! Я может и император, но в первую очередь — товарищ.

— Так выходит, ты коммунист? — уточнил h.

— Нет. Я есть всё, и я есть ничто... Я есть парадокс хаоса... — начал было Н новую речь, но осёкся. — Ладно. Пошли на третий.

Они развернулись и пошли обратно к лестнице. У перил стоял Артём — семиклассник, невысокий, с вечно растрёпанными волосами и улыбкой, которая появлялась на его лице раньше, чем он начинал говорить. Н уже не помнил, когда и при каких обстоятельствах они познакомились. Кажется, это случилось само собой — просто столкнулись в коридоре, разговорились, и с тех пор Артём всегда здоровался. Компанейский, лёгкий, без подвоха. У Н не было причин его сторониться.

— О, Н! — Артём просиял. — Как жизнь?

— Всё по плану, — Н кивнул.

— Ну, как всегда. А вы как?

Артём кивнул h и Л — уважительно, но без подобострастия. Просто обозначил: я вас знаю, вы меня знаете, всё нормально.

— Как там твои стратегии? — спросил Артём. — В «Хойку» ещё играешь?

— Когда время есть.

— Ну, заходи как-нибудь. Я тут новую штуку придумал. Скажешь, что думаешь.

— Договорились, — Н хлопнул его по плечу, и они пошли дальше.

Н на секунду задержался у окна. Имперцы ушли чуть вперёд, их голоса смешались с общим гулом коридора. Он опёрся рукой о подоконник и посмотрел вниз.

Внутренний двор школы был разрушен по большей части. Когда-то здесь, наверное, были клумбы. Или лавочки. Или что-то ещё, что полагается иметь приличному учебному заведению. Теперь — вытоптанный снег, осколки плитки, ржавые конструкции, назначение которых уже никто не помнил. В углу двора, на облупившейся стене, чернело граффити. Самое большое — анархическая символика: буква «А» в круге, перечёркнутая жирной линией. Рядом — ещё что-то, помельче, неразборчивое. Кто-то рисовал это ночью, торопясь и оглядываясь. Кто-то хотел что-то сказать. Но что именно — уже не имело значения.

Символ остался, смысл выветрился.

Н обернулся.

На скамейке у стены сидели трое каких-то загнанных людей. Не гедонисты, не отличники. Просто трое. Они не говорили. Не смотрели в телефоны. Просто сидели и ждали звонка.

Н смотрел на них. На граффити. На разрушенный двор.

«Вот она, школа, — подумал он. — Ты приходишь, сидишь, ждёшь. И так год за годом. А потом выходишь — и оказывается, что ты так и не понял, чего ждал. Кто-то рисует анархию на стенах, думая, что это протест. Но протест тоже становится частью пейзажа. Ещё одна буква на облупившейся штукатурке. Ещё один символ, который ничего не меняет».

Он оторвался от подоконника и пошёл дальше. Имперцы ждали его у лестницы. Ничего не спросили. Просто пошли рядом.

Третий этаж был другим. Стены здесь были выкрашены в зеленоватый — холодный, казённый, напоминающий цвет больничного коридора или старой библиотеки. Свет от ламп казался резче — он не рассеивался, а бил прямо в глаза. Линолеум — темнее, в коричневых разводах, которые никогда не отмывались до конца. Пахло химией и старыми учебниками.

Здесь обитали старшие классы, физика, химия, биология. Три кабинета подряд — три науки, три способа понять мир. Физика — законы. Химия — реакции. Биология — жизнь. Н проходил мимо них каждый день и каждый раз думал: «Вот три ключа. Но никто не учит, как их соединить».

У окна, рядом с кабинетом физики, стояли две девушки из восьмого класса. Нила и Соня. Нила — невысокая, с длинными волосами и вечно удивлённым выражением лица. Соня — пониже, спокойная, тоже длинные волосы. Они о чём-то болтали, но, увидев Н, замолчали.

— Опа, Н! — Нила просияла. — Ты чего тут?

— Разведка, — Н кивнул. — Как вы?

— Нормально, — Соня улыбнулась. — Ты на олимпиадах больше не появлялся. Забросил литературу?

— Нет. Просто пока не до неё.

— А жаль. Помнишь, как мы ездили? Не, ну это надо повторить, — смеялась она, вспоминая как 3 часа они вместе с Н и h ждали последнего участника.

— Зато день был отличный, — Н усмехнулся. — Хотя мы и с голода чуть не умерли, но настроение было.

— Это я умею, — Нила рассмеялась. — Кстати, Соня говорила, что видела тебя в парке. Ты всегда такой задумчивый, даже когда гуляешь.

— Я не задумчивый, — Н пожал плечами, тот тип людей, к которым относились эти подруги, обычно раздражал Н, но в этом случае наоборот.

— Ладно, не будем отвлекать, — Нила махнула рукой. — Удачи тебе там. На дискотеке, кажется?

— Да. Сегодня.

Девушки ещё смеялись чему-то за спиной, но Н уже не слушал. Школьный гул снова сомкнулся над головой, как тёплая вода. Коридор жил своей жизнью: кто-то бежал, кто-то стоял, кто-то переписывал домашку на подоконнике, рискуя уронить тетрадь в батарею. Н посмотрел на этот хаос, набрал в грудь воздуха — и выдохнул. Никаких монологов. Никаких речей о стаде. Просто коридор. Просто люди. Просто день, который ещё не кончился. Он пошёл дальше.

Н повернулся к своим и имперцы снова продолжили поход.

— Слушай, — Л вдруг повернулся к h, — ты вчера опять до двух кодил?

— До трёх, — поправил h. — Но это не точно.

— Это мощно, — сказал Н.

— Это диагноз, — добавил Л, улыбаясь, так как сам был таким же

— У вас всех диагноз, — заметила К, которая догнала их у лестницы. — Один слишком много думает, а вы оба слишком много кодите. Я с вами когда-нибудь поседею, — вздохнула К.

— Не поседеешь, — сказал h.

— Это почему?

— Потому что ты за нами присматриваешь. А тот, кто присматривает, не седеет. Ему некогда.

— Я не присматриваю.

— Присматриваешь. Молча. Взглядом. Мы думаем, что сами по себе, а на самом деле ты всегда рядом. Как тот самый луч. Про который все читали, но никто не видел. А он есть. И пока он есть — всё остальное не так уж и темно.

К хотела что-то сказать, но осеклась, ушла снова в класс. Л толкнул h локтем. Н усмехнулся.

Они прошли мимо кабинета химии. Дверь была приоткрыта, и оттуда тянуло кислым запахом реактивов. На стене рядом висела таблица Менделеева на украинском — старая, выцветшая, с загнутыми уголками. Н пробежал глазами по строчкам.

У кабинета биологии стоял скелет — пластмассовый. Он стоял здесь с начала года и уже стал чем-то вроде местной достопримечательности. Его называли Германом, Анатолием, Товарищем. Старшие привыкли. Н, когда проходил, думал: «Вот что остаётся. Кости. Больше ничего». Мысль была не мрачной — просто факт.

Они пошли дальше. У физики Н заметил знакомое лицо. Артём — но другой. Этот был выше, довольно худой, с гитарным чехлом за спиной. Они познакомились ещё в начальных классах, а потом случайно выяснили, что уже год ходят на одни и те же тренировки. Судьба, не иначе.

— О, Н! — Артём-второй шагнул из класса. — Ты чего тут?

— Да вот, разведка, — Н махнул рукой. — Как сам?

— Нормально. Слушай, я тут одну вещь на гитаре разучил. Из «Короля и Шута». Заценишь?

— Заценю. Не сейчас только.

— Ладно. Ты это... если что, я тут. В «Хойку» тоже могу, если позовёшь.

— Принято, — Н кивнул.

Артём-второй был претендентом на вступление в Империю. Н присматривался к нему. Парень был толковый: гитара, автоматизация, стратегии. Не пустой. За ним, в глубине класса, Н заметил ещё пару знакомых лиц — из тех, с кем иногда перебрасывался фразами в парке. Они подняли руки в знак приветствия. Н кивнул в ответ.

Дальше — другое крыло третьего этажа. У окна стоял Богдан — высокий, худой, с вечно задумчивым выражением лица. Он смотрел на улицу, но, кажется, не видел ничего — просто думал о чём-то своём.

— О, Н! — Богдан повернулся. — Ты чего? Когда в «Хойку» пойдём?

— Пока нет времени, — Н развёл руками. — Сам понимаешь: конец четверти, дискотека, планы.

— Понимаю, — Богдан вздохнул. — Но ты заходи. Мы так и не можем собраться поиграть...

— h вон тоже пропал, — добавил из коридора Артём, — сколько дней жду.

— Я не пропал, — сказал h. — Я в танки играю.

— В CS2, — поправил Л. — Ты же в CS2 играешь.

— И в танки. Иногда. Для разнообразия.

— Главное, чтобы не в Доту.

— Возможно, — h чуть заметно улыбнулся. — Но это тоже стратегия, поэтому, почему бы и нет.

Богдан рассмеялся. Н хлопнул его по плечу, и они пошли обратно ко второму этажу.

Они спускались с третьего этажа на второй.

Перила холодили ладонь.

На стене висело зеркало — старое, с мутным пятном в углу, как будто кто-то пытался заглянуть в него слишком глубоко и оставил след. Н мельком увидел себя — высокий, плечи расправлены, взгляд вперёд. На секунду ему показалось, что отражение задержалось дольше, чем он сам. Как будто тот, в зеркале, знал что-то, чего он ещё не знал. Н моргнул — и отражение снова стало просто отражением. Он пошёл дальше.

Впереди был коридор. И в коридоре — она.

— Привееет! — А выскользнула из-за угла и остановилась прямо перед ними.

— Привет, — Н немного смягчил тон, но старался это скрыть. — Как ты?

— О, а это твоя новая знакомая? — с ухмылкой проговорил Л. — А ты и нам ничего толком не сказал.

— Ой, а вы друзья Н? — оживилась А. — Меня А зовут, очень приятно! Как вы вообще?

— Было бы отлично, если бы не хотелось так домой, — честно признался Н.

— Я уже сама устала, — вздохнула А.

Начался разговор — лёгкий, ни к чему не обязывающий. Имперцы, обменявшись понимающими взглядами, сделали вид, что увлечены обсуждением «важного тактического манёвра», и постепенно отошли в сторону.

— Ладно, император, — Л хлопнул Н по плечу. — Мы пойдём.

— Да, не вздумай провалить дипломатическую миссию, — добавил h с характерной усмешкой.

Н остался с А. Вдвоём. В шумном коридоре, где никто не слушал.

— Ты сегодня какой-то... — А замялась, подбирая слово, — задумчивый.

— Я всегда задумчивый, — Н пожал плечами. — Это моё нормальное состояние.

— Нет. Сегодня по-другому. Более...

— Более?

— Не знаю. Как будто ты ждёшь чего-то.

Н помолчал. Она была права. Он ждал. Но не хотел говорить об этом. Не потому что не доверял — просто не умел.

— Может быть. Сегодня много всего.

— Дискотека? — она улыбнулась.

— И не только.

— А что ещё?

Он посмотрел на неё. Она смотрела прямо — без вызова, без игры. Просто ждала ответа.

— Ты когда-нибудь чувствовала, что всё идёт к какой-то точке? Что дни не просто проходят, а складываются во что-то?

— Как пазл?

— Нет. Пазл ты собираешь сам. А тут — как будто что-то другое складывает, а ты только смотришь и ждёшь, что получится.

А задумалась.

— Иногда. Но я обычно не жду. Просто живу.

— Я не умею просто жить.

— Я заметила, — она улыбнулась, но как-то по-другому — не как раньше. Теплее. — Ты всё время что-то планируешь, рассчитываешь. Даже когда говоришь со мной — как будто наперёд знаешь, что я отвечу.

— А разве нет?

— Нет.

Н замолчал. Она тоже. Вокруг шумел коридор. Кто-то пробежал мимо, едва не задев А плечом. Н машинально отодвинул её в сторону — взял за плечо, отвёл чуть левее. Сам не заметил, как это вышло. Она заметила. Ничего не сказала. Но взгляд изменился — стал мягче.

За окном начинался снег. Первые хлопья — робкие, почти невидимые — коснулись стекла.

— Ты всегда так? — спросила А.

— Как?

— Защищаешь. Отодвигаешь. Как будто мир — это поле боя, а я — важный объект.

— Я не специально.

— Я знаю. Поэтому и спрашиваю.

Н не знал, что ответить. Он действительно не думал об этом. Просто сделал — и всё. Но сейчас, когда она спросила, он понял: она права. Он всегда так. Со всеми. Кроме, может быть, тех, кого не считает своими.

— Опять ливень, наверное, будет, — сказала А.

— Я всё же более чем уверен, что будет снег, — ответил Н, не отрываясь от окна. — У тебя зонт-то есть?

— Забыла дома, — она пожала плечами. — Думала, пронесёт.

— Могу одолжить свой. Мне немного идти.

— Спасибо, — на её лице мелькнула лёгкая улыбка. — А ты не промокнешь?

— Куртка непромокаемая, — уверенно, но без привычной гордости сказал он. — Выдержит небольшую осаду.

— Ты говоришь «осада». Как будто дождь — это враг.

— Дождь — это не враг. Это обстоятельство. Врагом его делаешь ты, если не готова.

— А я не готова, — она развела руками. — Зонт забыла.

— Поэтому я даю тебе свой. Всё по плану.

А рассмеялась — негромко, но искренне. Н почувствовал что-то странное. Как будто этот смех пробил какую-то стену. Тонкую, но всё же.

— Ты смешной, когда говоришь «всё по плану». Как... не знаю.

— Как император.

— О, прости, — она сделала шутливый поклон. — Ваше величество.

— Принимаю.

Они говорили ещё — об отвлечённых вещах. О погоде, школе. О том, что конец четверти — это свобода. Слова были простыми, но между ними было что-то ещё. Не напряжение — скорее, ожидание. Как будто оба ждали, что разговор свернёт куда-то, но не решались его повернуть. А спросила, не читал ли он что-то новое. Он рассказал про Ницше. Она не поняла, но слушала. Он заметил, что она слушает — даже когда не понимает. И это было важно.

Прозвенел звонок. А вздохнула.

— Ладно. Пора.

— Пора, — согласился Н.

Она сделала шаг, потом обернулась.

— Н.

— Что?

— Ты правда думаешь, что сегодня всё решится?

В её голосе слышалась нотка надежды.

Он посмотрел на неё. На снег за окном. На своё отражение в стекле.

— Да. Я правда так думаю.

— Тогда удачи.

— Спасибо.

Она улыбнулась — последний раз — и ушла. Н остался у окна.

Снег за стеклом усилился — теперь хлопья падали часто-часто, застилая двор белой пеленой. Он смотрел на них и думал.

«Любопытно, — промелькнуло у него. — Она всегда находит повод заговорить. То дождь, то снег, то ещё что-то незначительное. Но теперь я знаю — это не от скуки. Она не из тех, кто заполняет пустоту словами. Она говорит, потому что хочет говорить. Со мной».

Он вздохнул, разглядывая своё отражение в запотевшем стекле. Отражение было нечётким, как будто размытым. Но внутри — ясность. Та самая, которая приходит после хорошего разговора. После смеха. После объятия.

Он поднял руку и протёр стекло. Отражение стало чётче. За ним — снег. Он падал и падал, укрывая всё, что было серым. Ветки старого дерева. Следы на асфальте. Всё исчезало под белым покрывалом.

Повернувшись от окна, он мысленно отмахнулся от лишних размышлений. Неважно, что будет дальше. Важно — что уже есть. А есть — она. Живая. Настоящая. Та, что говорит с ним не потому, что скучно, а потому, что хочет. И этого, пожалуй, достаточно.

Снег за окном всё падал. Н пошёл в класс. На душе было спокойно.

Почти.

2.3 «Линия жизни»

Несколько недель назад.

День был серым — не мрачным, не тоскливым, а именно серым. Таким, когда небо затянуто ровным слоем облаков, и свет рассеянный, мягкий, без теней. Снега ещё не было. Голые ветки деревьев чернели вдоль дороги, и в них гулял ветер — не злой, но настойчивый. Н ждал.

А вышла из подсобки, уже переодевшись. Крылья из фольги и нимб остались там, за дверью — она сняла их быстро, почти буднично, как снимают шапку после улицы. Но что-то от ангела в ней осталось. Не в одежде — в лице. В том, как она улыбнулась, увидев Н. Как будто свет, который был при ней на сцене, ещё не погас.

Н подумал: «Она играла ангела. И ей поверили. Не потому что костюм хороший — потому что она сама... светлая». Он не стал развивать мысль. Не сейчас.

Они двинулись по коридору — длинному, пустому, гулкому. Шаги отдавались от стен, и звук этот был странным — как будто они шли не по школе, а по какому-то переходу между мирами. Между ролью и настоящим. Между «я один» и «мы вдвоём».

А шла чуть впереди, но то и дело оборачивалась. Не чтобы проверить, идёт ли он, — а чтобы что-то сказать. Какая-то фраза, шутка, наблюдение. Она говорила легко, свободно, и в этой свободе было что-то почти вызывающее — но не грубое. Скорее, расслабленное. Как будто она не напрягалась ни перед кем. Ни перед учителями, ни перед одноклассниками, ни перед ним.

Н анализировал. Это вошло в привычку. Не потому что хотел — само получалось. Вот она смеётся — смех короткий, но искренний. Вот замолкает — и в паузе не неловкость, а ожидание. Как будто она ждёт, что он скажет что-то ещё. Вот поправляет волосы — жест машинальный, но плавный, как у кошки, которая знает, что на неё смотрят.

«Она расслаблена и заинтересована, — думал он. — Слишком. Особенно для человека, который идёт с тем, кого почти не знает. Это либо привычка, либо... симпатия? Проверим».

Он не проверял. Просто шёл. И это тоже было странно — обычно он всегда проверял.

— Как день провёл? — спросила она, обернувшись через плечо. В голосе — лёгкая игривость, как будто она знала что-то, чего он ещё не понял.

— Нормально. Контрольные, уроки. Скука.

— У меня тоже. Я чуть не уснула, пока слушала учителя. Он рассказывал так монотонно, как будто самому скучно было.

— Учителя тоже люди. Им тоже скучно.

— А тебе?

— Мне — нет. Я думаю о другом.

— О чём?

— О разном. О том, что я лучше всех.

Она рассмеялась.

— И поэтому тебя награждают?

— Награждают за другое.

— За что?

— За то, что я лучше всех на практике.

— А, то есть не только в мыслях?

— И в мыслях, и на практике. Везде.

Она рассмеялась — на этот раз громче, свободнее. В её смехе было что-то заразительное. Н поймал себя на том, что уголки его губ поползли вверх — без приказа, сами.

— Ты скромный.

— Я честный.

— Ну-ну

Они подошли к двери. Маленькая, неприметная, выкрашенная в тот же серый, что и небо за окном. За ней пряталось помещение, о котором знали не все. Учительская подсобка. Здесь стоял старый стол, застеленный клеёнкой в цветочек, несколько стульев с облупившейся краской, шкаф с костюмами и реквизитом. В углу — электрочайник. На полке — банка с печеньем и пара кружек. Пахло пылью, заваркой и чем-то сладким — кажется, ванилью. Здесь учителя иногда устраивали перекус после уроков. Но сейчас было пусто.

А открыла дверь первой. Заглянула внутрь, как будто проверяя, нет ли кого. Потом обернулась к Н:

— Идём.

Внутри горела лампа — тусклая, под абажуром с бахромой. Свет падал на стол жёлтым пятном, оставляя углы в полумраке. За окном ветер качал голые ветки. Одна из них царапала стекло — тихо, настойчиво, как будто просилась внутрь. Как будто хотела быть частью разговора.

Н подошёл к окну. Посмотрел на улицу. Серое небо, серые дома, серые деревья. Но что-то в этом было правильное. Не красота — порядок. Как будто мир взял паузу перед тем, как измениться.

— Ты чего там увидел? — спросила А.

— Ничего. Просто смотрю.

— На что?

— На серость.

— И как?

— Сегодня... Она не раздражает.

А подошла ближе и встала рядом. Теперь они оба смотрели в окно. Н чувствовал её плечо почти рядом — ещё немного, и коснулись бы. Но не касались.

«Она стоит слишком близко, — подумал он. — Не отходит. Не отворачивается. Это не случайно. Или случайно? Как проверить?»

Он не проверял. Вместо этого он смотрел на неё.

Свет лампы падал на лицо — мягкий, тёплый, почти домашний. Черты — плавные, без резких линий. Волосы светлые, собранные небрежно, но эта небрежность шла ей больше, чем любая причёска. Прядь постоянно выбивалась и падала на лицо, и она убирала её за ухо — машинально, не глядя. Глаза — живые, быстрые. Они не задерживались на чём-то одном — всё время двигались, сканировали пространство, искали интересное. Рот — с вечной полуулыбкой, как будто она знала что-то смешное, но не говорила.

Она не была красавицей в классическом смысле. Не была отличницей. Не была душой компании в хорошем смысле этого слова. Но в ней было что-то такое, что заставляло смотреть. Что-то, что не требовало анализа. Лёгкость. Игривость. Жизнь.

Он знал о ней кое-что. Школа — место, где слухи разносятся быстрее ветра. А училась на класс ниже. Ходила небольшой группкой — не гедонисты, но близко. За ней постоянно тянулся шлейф историй: то за ней кто-то бегал, то из-за неё дрались, то её преследовал какой-то парень. Она была вечно в центре чего-то — не потому что хотела, а потому что так получалось. Как будто мир сам подбрасывал ей приключения.

Она не была глубокой. Серьёзного разговора от неё ждать не стоило — если только речь не заходила о любви. Тут она оживала. Тут она была экспертом. Обычная девочка. Просто — живая. С не самыми культурными привычками, но без злобы. Без подлости. Без того, что Н презирал в людях.

И первое впечатление было хорошим. Он знал о её недостатках — и не закрывал на них глаза. Но они не раздражали. Как будто в ней недостатки были частью целого, а не изъяном.

— Ты чего смотришь? — она вдруг повернулась.

— Анализирую.

— И как?

— Ещё думаю.

— Ну-ну, продолжай. Я подожду.

Она улыбнулась — той самой полуулыбкой, которая ничего не обещала, но всё разрешила. Н не отвёл взгляд.

— Ты не такая, как о тебе говорят, — сказал он.

— А что обо мне говорят?

— Разное.

— Например?

— Что человек ты не самый лучший. Что за тобой вечно кто-то бежит. Что сильно во многих историях замешана.

— Ого, — она не обиделась, немного застыдилась. — А ты?

— А я проверяю.

— И как?

— Ты лучше, чем о тебе говорят.

Она снова рассмеялась — и в этом смехе было что-то, чего он не ожидал. Не защита. Не обида. Принятие.

— Ты смешной, — сказала она, подразумевая «спасибо».

— Знаю.

— Но это не плохо.

— Знаю, — Н улыбнулся, понял двойную мысль.

Они сели за стол. А достала конфеты, что ей дали дети на утреннике.

— Держи. Ты, наверное, голодный.

— Немного. Спасибо.

— Да не за что. Ты вообще сегодня ел?

— Не-а.

— Вот. А говоришь — лучше всех. Лучшие всех не ходят голодные.

— Иногда ходят. Это часть плана.

— Какого плана?

— Общего.

— И что в этом плане дальше?

— Победить.

— А если не получится?

Н положил в рот конфету, прожевал. Посмотрел на неё. Она смотрела с интересом — не как на странного парня, а как на кого-то, кто говорит то, что думает.

— Я не проигрываю, — сказал он.

— Никогда?

— Почти.

— А когда проигрывал?

— Давно. И больше не собираюсь.

Она кивнула — не как согласие, а как понимание. И он вдруг понял, что она поняла. Без анализа. Без разбора.

Она жевала печенье и смотрела на него с интересом. Не оценивающе — а как на загадку, которую хочется разгадать. Н заметил, как она сидит — свободно, откинувшись на спинку стула, одна нога поджата под себя. Никакого напряжения. Никакой позы. Ей было всё равно, как она выглядит. И от этого она выглядела... настоящей.

— Слушай, — сказала она вдруг, — а ты, наверное, в армию пойдёшь? Раз стратегии любишь.

— Я?

— Ну да. Ты же всё время планируешь, рассчитываешь. Армия — это же тоже стратегия, нет?

Н усмехнулся. Она попала в точку, сама того не зная. Он действительно думал об армии — и решил, что не пойдёт. Не потому что боялся. Она не соответствовала его так долго выверяемым моральным догмам.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

Он немного задумался, улыбнулся у себя в голове и сказал:

— У меня рак пупка третьей степени.

Она замерла. Печенье остановилось на полпути ко рту. Глаза стали круглыми — огромными, как у ребёнка, которому сказали, что Деда Мороза не существует. В этих глазах отразился свет лампы — две жёлтые точки в полумраке. Н видел, как внутри неё борются два чувства: ужас и недоверие. Ужас побеждал.

— Серьёзно? — выдохнула она.

Н выдержал паузу. Ровно секунду. А потом рассмеялся — громко, не сдерживаясь, запрокинув голову. Он смеялся так, как давно не смеялся — без плана, без расчёта, просто потому что было смешно. Её лицо — это абсолютно серьёзное, испуганное лицо — стоило всех стратегий вместе взятых.

— Ты... ты бы видела себя, — выдавил он сквозь смех.

— Так это шутка? — она всё ещё не могла поверить.

— Шутка, конечно. Ты чего?

— Ну ты и... — она схватила салфетку и кинула в него. — Я уже испугалась!

— Я заметил. Это было великолепно.

— Ты ужасный человек.

— Я знаю.

— Нет, правда. У тебя такое лицо было серьёзное. Я думала — всё.

— Лицо — это тоже оружие.

— Ты, по-моему, все воспринимаешь как стратегию.

— Почти. Оно в принципе так и есть.

Она покачала головой, но улыбалась. И он улыбался. И лампа горела. И ветер за окном всё скрёб веткой по стеклу — как будто напоминал о себе.

Они говорили ещё. О пустяках. О школе. О том, кто с кем и почему. Обычные сплетни — но даже они звучали иначе. Как будто между словами было что-то ещё. Не напряжение — тепло. Как будто в этой маленькой комнате, под жёлтой лампой, время шло по-другому.

Н смотрел на неё. Она смотрела в окно. Ветка всё царапала стекло. И вдруг он вспомнил. Аксиома.

Она была старой. Почти забытой. Но от этого не менее прочной. «Меня вряд ли полюбят. Не в этом смысл». Он держал её в голове уже несколько лет — сложилась давно, из детства, из двора, из отъезда той, кого он вспоминал, когда падал снег. Из всего, что было после. Он не проговаривал её вслух — зачем? Это был просто факт. Как погода. Как серость.

Как то, что не изменить.

Он говорил это себе с каменной, неопровержимой уверенностью. Для него это была аксиома, не требующая доказательств, странным образом выверенная годами одиночества. Кажалось, он отказывался принимать любые подарки от столь благоволящей ему судьбы, словно боялся, что они его обесценят. Ему нужно было всё завоевать самому. Исключительно по плану.

Но сейчас — сейчас он сидел рядом с девушкой, которая смеялась над его шутками. Которая смотрела на него. Которая была здесь — не потому что должна, а потому что хотела.

Которая только что играла ангела — и, кажется, так и не сняла эту роль до конца. И это не вписывалось в аксиому. Ломало её. Давало трещину.

«Может, аксиома неверна? — подумал он. — Или не совсем верна. Или верна, но не для всех. Или...»

Он не закончил мысль. Не потому что не мог — а потому что не хотел. Слишком много значило бы её закончить.

Потом А встала.

— Ладно. Пора. А то нас потеряют.

— Потеряют — найдут.

— Ты всегда так говоришь?

— Почти.

Она подошла к двери. Он — за ней. Они вышли в коридор — всё такой же пустой и гулкий. Дошли до лестницы. И там она вдруг остановилась.

— Спасибо за компанию.

И обняла его.

Быстро. Легко. Как она обнимала всех друзей — он видел. Знал. Но что-то в этом жесте было иначе. Чуть дольше, чем нужно. Чуть теплее, чем положено. Её рука на секунду задержалась на его плече. Пальцы чуть сжались — едва заметно. Как будто она не хотела отпустить. Как будто ангел, которым она была, ещё не ушёл.

— Ты хороший, — сказала она тихо. — Хотя и странный.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— А я принимаю как комплимент.

Она улыбнулась, отпустила его и пошла вниз по лестнице. Её шаги затихли. Н остался стоять.

Он не гадал. Не сомневался. Не перебирал варианты. Он знал. С той самой, особенной уверенностью, которая приходила к нему нечасто — но всегда оказывалась верной. Она обняла его — не как друга. Она смотрела на него — не как на случайного знакомого. Она смеялась с ним — и смех этот был только для него. Это не требовало доказательств. Это был факт. Такой же, как серое небо за окном. Как ветка, царапающая стекло. Как аксиома, которая только что рухнула.

«Я ей понравился, — подумал он. — По-настоящему. Не как стратег, не как император, не как отличник. Просто — я».

И это было правдой.

Он пошёл в класс. Класс встретил его сонной тишиной. Урок ещё не начался, но все уже были на местах — полуживые, уставшие, мечтающие только о том, чтобы пойти домой. Кто-то спал, уткнувшись в рюкзак. Кто-то листал телефон, даже не глядя на экран. За окнами темнело. Серое утро уступало место серому дню, переваливая за вечер.

Л подсел к нему, едва Н опустился на стул.

— Ты где был? Мы тебя потеряли.

— Великие дела, — Н пожал плечами и улыбнулся.

— И как?

— Успешно. Со мной познакомились.

— В смысле — познакомились? Я думал тебя тут многие знают.

— Это было по-новому. Не как обычно.

— И кто?

— Та там одна...

Л поднял бровь, помолчал, переваривая. Потом кивнул:

— Ну, и что? Познакомились и познакомились. Чего ты светишься?

— Я не свечусь.

— Светишься. У тебя лицо, как будто ты только что выиграл приз.

Н усмехнулся.

— Может, и выиграл.

— Приз?

— Нет. Кое-что другое.

— Что?

— Аксиому. Я её победил.

Л уставился на него.

— Ты сейчас говоришь загадками. Какая аксиома? Ты о чём?

— О том, что я вряд ли кому-то понравлюсь. Не как друг. А иначе.

— И?

— И она рухнула. Только что. Я ей понравился. По-настоящему. Это точно.

Л моргнул. Для него было довольно странно слышать, что Н в чём-то сомневался по отношению к себе.

— Ты уверен?

— На сто процентов. Я проверил.

— Как? Когда?

— Только что.

Л посмотрел на него долгим взглядом. Потом покачал головой:

— Ты удивительный человек. Другие радуются просто так, а ты радуешься как доказательству теоремы.

— Это и есть теорема, великая теорема жизни... И меня.

— Ладно, — Л хлопнул его по плечу. — Поздравляю. Ты победил. Что дальше?

Н откинулся на стуле.

— Дальше — больше. Если одна аксиома рухнула, значит, могут рухнуть и другие. Я проверю.

— Когда?

— Через несколько дней, — его взгляд устремился в даль, — Я уверен, парад побед продолжится, я даже уже знаю как, — тут он вспомнил слова учителя, что его завтра будут награждать в администрации, — Нужно будет всё проверить, но я более чем уверен, что я могу прогнозировать ближайший триумф.

Тут он оглядел класс — особенно К, Л, h — и остановился на Д.

Л хотел спросить ещё что-то, но Н уже не слушал. Он смотрел в окно. Там, за стеклом, на голой ветке, сидел дрозд. Ягода висела во льду. Ветка всё ещё царапала стекло. Лампа всё ещё горела. И где-то внутри, под слоем стратегий и планов, зрела новая мысль — та, что позже толкнёт его к другим свершениям.

Он улыбнулся. Всё было по плану. Даже то, что не было.

3.1 «Всё по плану»

Н поднял трубку, предупредил, что он уже идёт, — «пусть в доме все готовятся».

Был зимний день. Школа осталась позади — та же облупившаяся штукатурка, та же трещина над крыльцом. Утром Н смотрел на неё как на шрам. Теперь — как на знак. Что-то треснуло в мире. Или в нём. Или в обоих сразу.

Они вышли на улицу. Дорога была знакомой — та же, что вела в школу, только в обратную сторону. Но утром он шёл один, а теперь — с целой процессией. Наряду с довольно красивыми, можно даже сказать, зимними пейзажами, вблизи валялся чёрный снег, в разы превышавший по количеству белый. Несправедливо.

Красота и грязь — всегда рядом. Как тело и душа. Как триумф и страх.

Парк встретил их голыми деревьями — теми же, что утром. Чёрные ветки переплетались над головой, как трещины на стекле. Только теперь Н видел их иначе. «Вены, — подумал он. — Город дышит через них. У него есть кровь. Чёрная, как этот снег». Под ногами хрустел лёд — в колдобинах, там, где после дождя стояла вода. Утром он здесь поскользнулся. Сейчас шагал уверенно.

Вместе с ним домой шли подруги, в том числе постоянная его раздражительница, писавшая через каждую минуту. Д. Конечно, шёл Н, не толкаясь, ведь на улице был лёд, но даже если бы его не было, он и так бы не толкнул их, даже если бы толкнули его. Принципы были у этого человека довольно высокие. Относительно.

Справа блеснул ставок — небольшой пруд, затянутый льдом. Лёд был покрыт трещинами — тонкими, как волос, расходящимися от центра к берегам. Кто-то бросил бутылку, и она вмёрзла в середину — стеклянный остров в ледяном море. Снег вокруг был чёрным от машин. Н смотрел на это и думал: «Красота есть. Но она под слоем грязи. Как и всё здесь. Как и я».

— О чём задумался? — спросила К, заметив его взгляд.

— О чистоте, — ответил Н. — И о том, что её не бывает.

— Это ты сейчас про снег?

— И про снег тоже.

Чуть дальше показался фургон — тот самый, что завышал цены до предела, наживаясь на школьниках. Сейчас он был открыт, и вокруг толпились школьники. Кто-то покупал хот-дог по цене втрое завышенной, кто-то просто стоял и смотрел на витрину, как на алтарь.

— Ты посмотри, они ещё и рады, — хмыкнул Л. — Как будто их не грабят.

— Их грабят, — отозвался Н. — Просто они не знают.

— Или не хотят знать, — добавил Н. — Это удобно.

Д прошла мимо фургона, даже не взглянув. Она шла чуть впереди, и Н видел её прямую спину, её расправленные плечи. Она не покупалась на дешёвые приманки. Это вызывало уважение. Почти.

За магазином, чуть дальше, шумела автомойка. Бетонный бокс, пар из ворот, гул воды. Машины выезжали оттуда чистыми, сверкающими — и тут же пачкались о снег. Цикл. Бесконечный и бессмысленный.

Н остановился на секунду. Имперцы притормозили рядом.

— Смотрите, — он кивнул на автомойку. — Люди моют машины. Через минуту они снова грязные. Это сизифов труд. Или вера в чистоту, которая невозможна.

— Или просто привычка, — сказал Н. — Люди много чего делают по привычке.

— Например?

— Ну, школа та же.

Л фыркнул.

— Школа — это не привычка. Это каторга. С перерывом на обед.

— С перерывом на чипсы, — поправила К.

Они пошли дальше, и тут завязался разговор с Д.

— Так с кем ты постоянно переписываешься? — спросила Д. Она была если не самой близкой, то уж точно самой настойчивой его подругой. Раньше ей было не добраться — в школе их миры редко пересекались. Но сейчас, за пределами школьных стен, её право на допрос казалось ей абсолютным.

— С тобой же, — парировал Н, не глядя.

— Неправда! — вспыхнула она. — Я как ни открою мессенджер — ты «в сети». А на мои сообщения отвечаешь с задержкой!

В сознании Товарища Императора, как бравого «хойщика», кроме цитаты: «Женщина? А сколько у неё дивизий?» — сразу стал всплывать образ боя. Но Н понимал, что некоторые сражения не стоят ресурсов, особенно против собственных союзников (даже если они не самые лучшие). Да и в принципе как-то не хотелось ему увиливать и обманывать её... по многим причинам... или просто не мог.

— Помнишь ту девочку, что играла ангела на празднике? — капитулировал он, чувствуя, как совершает стратегическую ошибку.

— Помню, — ответила Д, и в этом одном слове послышался лёд.

— Так вот... Мне кажется, она проявила ко мне некоторый интерес. Познакомилась. Прямо в том самом... ангельском обличии. — Он мысленно одёрнул себя за проскочившую было поэтичную слабость. Никаких «спешедших с небес». Только факты. — Зовут А.

— И что, она тебе понравилась? — голос Д стал ровным и опасным.

— Внешние данные вполне соответствуют высоким стандартам, — отчитался Н, отгораживаясь канцеляритом. — Но сейчас у меня куча других дел.

Оставшуюся часть пути Д молчала. И эта тишина была гуще и выразительнее любого разговора.

Спасаясь от подобных разговоров, Н перестроился к своим верным имперцам, которые шли теперь строем, словно свита полководца после неудачных переговоров.

Они как раз поравнялись с ларьками — теми самыми, где по утрам стояли старики. Сейчас здесь было пусто. Только ветер гонял обрывок чека. Вывеска «24» всё так же висела криво. Ничего не изменилось.

— Да... Задал ты задачку, — начал Л. — Что ты с ней вообще возишься? Может, лучше стратегические мощности направишь в «Хойку»? Там хоть алгоритмы предсказуемые.

— С кем возишься? — спросила К.

— С Д, — сказал Л. — С кем же ещё. Переписывается с ней круглые сутки. Уже, по моему, даже h заметил.

— Я заметил, — подтвердил h. — Пять уведомлений за урок. Это стабильно.

— Это не «вожусь», — сказал Н. — Это эксперимент, разведка боем.

— Ага, — Л усмехнулся. — Сбор информации ещё скажи. А то, что ты на неё смотришь, как на карту перед боем, — это топографическая разведка?

— Видишь, ты понимаешь мои мысли.

— Ты невыносим, — вздохнула К. — Я же тебе говорила: твоя стратегия — как танк на хрупком льду. Проходишь пару метров и проваливаешься. Тебе бы просто по-человечески общаться, а ты — «тактика», «манёвры»...

— Общение-то как раз и получилось, — невозмутимо вставил h. — С Д. Она же с нами шла. Разговаривала.

— Это был допрос, — сказал Н.

— Допрос — тоже общение. Просто в другом жанре.

Л фыркнул.

— И что она хотела? — спросила К.

— Выясняла, с кем я переписываюсь.

— И с кем?

Н помолчал.

— С ней же. И ещё с одной.

— С кем? — К подняла бровь.

— С А. Помнишь, я рассказывал? Познакомились недавно.

— А, — К кивнула. — Вроде поняла. С класса ниже?

— Она самая.

— И ты ей рассказал?

— Она спросила. Я ответил.

— И как она?

— Замолчала. И молчит до сих пор.

Л хихикнул.

— Ого. Это плохой знак.

— Или хороший, — сказал h.

— Почему хороший?

— Потому что если бы ей было всё равно, она бы не замолчала. Она бы продолжила допрос. И допросом это не было бы.

Л задумался.

— Логично. Но всё равно не понимаю, зачем тебе это. Ну, переписываешься, ну, молчит она. Дальше-то что?

Н пожал плечами.

— Дальше — посмотрим. Сегодня на дискотеке, например.

— Что на дискотеке?

— Всё, — сказал Н и ускорил шаг.

Имперцы переглянулись.

— Он что-то задумал, — тихо сказала К.

— Он всегда что-то задумал, — ответил Л. — Просто на этот раз он даже нам не говорит.

— Может, и к лучшему, — сказал h. — Меньше знаешь — крепче спишь.

— Поэтому ему и не до сна, — смотрела К на чуть отдалившегося Н.

Некоторое время шли молча. Дорога спускалась вниз — тот самый склон, где Н когда-то помогал бабушке с баклажками. Сейчас здесь было пусто. Только лёд. Только хлопья снега.

Д ушла за поворот и только там позволила себе выдохнуть. Она не знала, что её злит больше — то, что он говорит о другой, или то, что он говорит о ней так... по-деловому. «Внешние данные соответствуют стандартам». Она закатила глаза. И пошла дальше, не оборачиваясь.

Н, тем временем, мысленно переваривал свой диалог с Д (и с облегчением увидев, что она с подругой уже скрылась за поворотом), наконец, вступил в разговор:

— Всё это — отлично и даже прекрасно! — Он на секунду оглянулся через плечо. — Но, во-первых, ещё всё впереди, я в этом уверен, а во-вторых, у нас полно других, куда более великих дел...

Стрельнуло. Ударило. Мысль, точнее, целая система мыслей, озарила его сознание, как внезапная молния в ясный день.

— Как?! Вы что, не видели?! — он остановился так резко, что Л едва не столкнулся с ним. — Только что! Я всё понял! Всё!

— Что, можно наконец заняться чем-то привычным и краткосрочным? — с надеждой переспросил Л, всегда стремившийся вернуть блуждающие мысли императора в более полезное, как ему казалось, русло. — Я напоминаю, у нас в этом году экзамены...

— Она! — Н схватил h за рукав, игнорируя Л. — Срочно! Ты же её видел. Она была сегодня весь день такой... грустной?

h медленно перевёл на него свой тяжёлый, понимающий взгляд.

— Та нет... Как обычно. Невесёлая. Но гордая. А вот сейчас, после вашего разговора...

— Да-да-да-да! — зашептал Н, его глаза горели блеском. — Всё меняется! Пазл сложился! План готов, я же говорил, что сегодня произойдёт нечто масштабное! Триумф близок, и случится он именно сегодня!!!

— Или же ты просто себя перенакрутил, — осторожно заметила К, сканируя его лицо на предмет признаков безумия. — Но... кажется и правда у тебя все получается.

— Ладно, после успеха точно расскажу! Л, h, встречаемся в парке через час! — скомандовал Н, уже мысленно находясь на поле грядущей битвы.

Разойдясь в трёх направлениях, они оставили позади «Камень» — огромный валун у дороги, служивший им и пунктом снабжения, и местом сбора войск, и молчаливым хранителем их тайн.

Стоило лишним глазам скрыться из виду, как ноги Н понесли его самого, подхваченные невидимым ветром. Он не бежал — он парил над землёй, движимый странным, новым чувством.

Это было не знакомое ему возбуждение триумфатора и не гнетущая грусть. Это было... бесчувствие — ясная, холодная пустота на взлёте. Веселиться было нечему. Но и печалиться — тоже.

Был только План.

И тут, посреди этой спешки и ясного Плана, его накрыло волной холода. Внутри стало так холодно, что он весь задрожал. Этот мороз шёл не с улицы — он поднимался из самой глубины, из той пустоты, которую он всего минуту назад принял за волнение.

И он почувствовал, как его сомнения начали медленно разрушать крепкую стену из громких фраз и грандиозных замыслов, которую он так тщательно выстраивал.

Бред.

Вновь воздвигнув в своей голове защиту, Н воодушевлённо побрёл домой.

Он поднял голову. Небо было серым — сплошным, без единого просвета. Таким же, как весь день. Таким же, как этот город. Как этот снег. Как всё, что он видел с утра.

Но прямо над ним облака вдруг дрогнули. Разошлись — не широко, не торжественно, а как будто кто-то проткнул небо пальцем. Образовалась дыра — неровная, рваная, с краями, подсвеченными золотом. И в этой ране зажглось солнце.

Н остановился. Смотрел. И вдруг вновь стрельнуло. То, что он чувствовал весь день, но не мог сформулировать, ложилось в привычную ему фразу.

«Судьба благоволит. Она работает по моему графику. И сегодня она это докажет».

Он не произнёс это вслух. Просто стоял и смотрел, как луч скользит по льду, по чёрному снегу, по его собственным рукам. А потом облака сомкнулись снова. Небо затянулось. Луч исчез.

Но свет остался. Внутри.

Н пошёл дальше. Впереди показался дом. Тот же, что всегда. Но сегодня даже его окна светились иначе — теплее. Или это просто свет в коридоре горел ярче обычного. Н поднял голову. Там, за стеклом, ждали. Ждали его.

Он ускорил шаг.

Впервые за долгое время он чувствовал себя не актёром в собственной пьесе, а её режиссёром.

3.2

«Человек обречён быть свободным»

На столе стояла чашка. И чашка была полна.

Коридоры школы опустели — чтобы завтра вновь вобрать в себя поток человеческих душ. Сейчас они молчали. Только лампы гудели под потолком — ровно, монотонно, как будто здание дышало во сне. Где-то на первом этаже охранник включил радио, и сквозь помехи пробились чей-то голос — бодрый, поставленный, фальшивый от первого до последнего слова. Ведущий рассказывал о том, как хорошо живётся в стране, и тут же переходил к шутке. Шутка была старая, заезженная, из тех, что кочуют из программы в программу уже который год. За кадром засмеялись — по команде, в нужный момент, ровно столько, сколько требовал формат. Смех оборвался так же резко, как начался. Тишина. Потом — снова голос. Снова бодрый. Снова фальшивый.

Радио давно стало таким. Как и телевизор. Большинство шоу делалось для галочки — картонными, пустыми, лишёнными даже намёка на жизнь. Юмористические передачи были хуже всего: ведущие выдавливали из себя остроты, зрители в студии смеялись по отмашке, шутки повторялись из года в год, менялись только даты. Пропаганда пряталась за улыбками. Серьёзные темы подавались с таким наигранным оптимизмом, что даже старики — те, для кого всё это когда-то создавалось, — больше не могли это слушать. Переключали. Выключали. Молча сидели на кухне, и тишина была честнее любого эфира.

Охранник не выключил. Он просто не слушал. Радио бормотало что-то своё — про достижения, про рекорды, про то, как дружно и весело мы живём. И за этим бормотанием школа казалась ещё тише. Ещё пустее. Ещё более брошенной.

Лишь учителя, точно хранители своих кабинетов, оставались на посту. Не потому что хотели — потому что надо. Дискотека — это не только музыка и темнота. Это ещё и ответственность. Кто-то должен дежурить. Кто-то должен следить, чтобы дети не разнесли школу. И они сидели — каждый в своём кабинете, каждый над своей стопкой бумаг. Готовились.

Ждали.

Кабинет был не самым большим. Но стол уже был забит гигантской горой тетрадей — они громоздились, как крепостная стена, за которой прятался хозяин. Учитель сидел, уставившись в ноутбук. Глаза — серые. Не от природы — от усталости. От годов, проведённых в этих стенах. От тысяч проверенных работ, тысяч заполненных отчётов, тысяч «почему» и «зачем», на которые он давно перестал отвечать.

Шестерёнка стачивалась. Превращала человеческую жизнь в функцию. Когда-то он верил. Когда-то он горел. Когда-то он думал, что школа — это место, где зажигаются звёзды. Теперь он просто проверял контрольные. Машинально. Без огня. Без надежды. Без вопроса «зачем».

Он взял чашку. Движение было резким — не от злости, а от автоматизма. Рука дёрнулась, и кофе выплеснулся через край. Горячая волна прокатилась по стенке, залила буквы. Слово «учителю» исчезло — осталось только мокрое пятно. Он не заметил. Сделал глоток. Поставил чашку обратно.

И тут — случайность. Или не случайность. Чашка качнулась, и тонкая струйка кофе отделилась от края, потекла вниз, пересекла доньшко и зачеркнула слово «лучшему». Теперь на чашке не было ничего. Просто белая керамика. Просто тёмное пятно, за которым просвечивались символы. Просто вещь, потерявшая смысл.

Учитель посмотрел на чашку. На мгновение замер. Что-то дрогнуло в его серых глазах — не боль, не грусть, а смутное, почти забытое чувство. Как будто он что-то вспомнил. Или, наоборот, что-то окончательно забыл.

Он перевернул страницу тетради. Капля кофе уже впиталась в клетки. Никто не заметит. Кроме него. Да и он — забудет через минуту.

За окном перестал идти снег. Школа ждала. Дискотека приближалась. А учитель всё сидел над тетрадями — ещё одна шестерёнка в механизме, который никогда не останавливается. Пока не остановится сам.

На улице темнело. Точнее — не темнело, а серело. День уходил, но ночь не приходила. Всё застыло в промежутке — между светом и тьмой, между уроками и дискотекой, между ожиданием и свершением. Школа ждала. Учитель ждал. Город ждал.

Если выйти из школы и пройти через пустой двор — тот самый, с разрушенными клумбами и анархией на стене, — можно было увидеть, как серость ступается. Она не была мрачной. Она была... никакой. Ни солнца, ни теней. Ни ветра, ни тишины. Просто — серый воздух над серым снегом.

Город лежал в этом воздухе, как старая вещь на чердаке — забытая, но ещё целая. Многоэтажки смотрели пустыми окнами. Рынок стоял закрытый. Церковь на возвышенности не светила. Даже террикон — чёрный конус на горизонте — казался сегодня не грозным, а уставшим. Спал и не смотрел.

Людей почти не было. Только редкие фигуры — кто-то шёл с работы, кто-то в магазин, кто-то просто брёл, сам не зная куда. Серые пальто. Серые лица. Серые мысли.

А пока — ничего не случилось. Пока — только тишина. Только серый снег. Только радио, которое всё бормотало где-то вдалеке, уже неразборчиво, уже неважно.

Город замер. Ждал вечера. Ждал темноты. Ждал, когда что-то случится.

Ожидание. Судьбы.

Человек привык думать, что судьба — это прямая. Линия. Путь из точки А в точку Б. Родился — учился — работал — умер. Встретил — полюбил — расстался — забыл. Всё предсказуемо. Так думают те, кто идёт по струнке. Те, кто не перешагивает ни в полную тьму, ни в яркий свет. Муравьи натянутой системы.

Но судьба — не прямая. Она — кривая. Постоянно искривляющаяся, ломающаяся, уходящая в стороны, вверх, вниз, вбок. Она петляет, как старая дорога в частном секторе, где каждый поворот — сюрприз, и не всегда приятный. Она возвращается туда, где ты уже был. Она уводит тебя оттуда, где ты должен был оказаться. Она сталкивает с людьми, которых ты не должен был встретить. И разводит с теми, без кого ты не можешь.

Судьба — это не линия. Это сеть. Паутина. Тысячи нитей, которые тянутся во все стороны одновременно. И каждая нить — это выбор. Твой. Чужой. Случайный. Неслучайный. Ты дёргаешь за одну — отзывается другая. Ты думаешь, что идёшь вперёд, а на самом деле описываешь круги. Ты думаешь, что контролируешь путь, а на самом деле просто держишься за нить, которая уже натянута.

И все эти нити — они не бесконечны. Они сходятся. Где-то там, впереди, за горизонтом, за серым небом, за чёрным снегом — они соединяются в одной точке. В неумолимо наступившем конце. Которого не избежать. Который уже существует — даже если ты о нём не думаешь. Даже если ты строишь Империю. Даже если ты составляешь планы. Даже если ты веришь, что судьба благоволит.

Она благоволит. Но она же и смеётся. Потому что знает то, чего не знаешь ты. Потому что видит всю сеть целиком — а ты только одну нить. Свою. А иногда даже и её не видишь.

И никто не знает, где эта нить оборвётся. И никто не знает, с какой другой нитью она сплетётся. И никто — никто — не знает, что будет за поворотом.

Но славен тот, кто идёт против судьбы. Кто видит сеть — и не покоряется ей. Кто сжимает свою нить в кулаке и говорит: «Нет. Я сам». Кто не ждёт, что кривая выведет его куда-то, а сам прокладывает путь. Через серость. Через страх. Через холод. Через всё, что предначертано.

Здесь берёт своё начало сверхчеловек. Не тот, кто выше других. Тот, кто выше себя. Кто перешагивает через собственную слабость. Кто не принимает судьбу как данность, а бросает ей вызов. Кто знает: нить можно порвать. Можно сплести новую. Можно стать не муравьём на струнке, а тем, кто эту струнку натягивает.

Это путь. Это движение. Это воля, которая не гаснет даже тогда, когда всё вокруг говорит: «Остановись».

И тот, кто идёт этим путём, — он, может быть, и не победит. Но он уже победил. Потому что он пошёл.

А пока — никто ничего не знал. Пока — только тишина. Только серый снег. Только радио, которое всё бормотало где-то вдалеке, уже неразборчиво, уже неважно.

И где-то в этом городе, по одной из серых улиц, шла А.

Она шла не одна. Рядом — две подруги из её компании. Обычная группа: не гедонисты в худшем смысле, но и не из тех, кого хочется привести домой. С ними было легко. С ними не нужно было притворяться. Или, наоборот, нужно было притворяться, но иначе — не так, как перед учителями. Перед ними она была «своей». Настоящей. Почти.

Иногда А воспринимала их как в тумане. Вот они идут, говорят что-то, смеются — а она слышит не слова, а звуки. Знакомые, тёплые, но лишённые смысла. Как шум ветра за окном. Она могла бы ответить, поддержать разговор — и отвечала, и поддерживала, — но мысли её были далеко. Или близко. Или нигде.

Вот и сейчас: они шли, перебрасывались фразами, а А смотрела на чёрный снег у обочины и думала о чём-то своём.

— На дискотеку пойдёшь? — спросила одна.

— А куда ещё, — А пожала плечами. — Всё равно делать нечего.

— Н вроде идёт, — добавила другая и покосилась на А с лёгкой ухмылкой.

— И что? — А не повела бровью.

— Ничего. Просто ты с ним в последнее время часто...

— Мы просто общаемся. Он прикольный.

— Ага, «прикольный». А то, что ты на него смотришь, как на...

— Как на что?

А усмехнулась. Ничего не ответила. Достала из кармана вейп — маленький, чёрный, почти невесомый. Поднесла к губам. Выдохнула облако пара. Оно смешалось с серым воздухом и исчезло.

— Кстати, — первая подруга понизила голос, — этот опять объявился.

— Какой «этот»?

— Ну, который на мотоцикле. Сталкер твой.

А закатила глаза.

— Он не мой. Он просто больной.

— Он вчера у школы стоял. Тебя ждал.

— Пусть ждёт. Мне-то что.

— А если опять за тобой поедет?

— Пусть, я ему не подчиняюсь.

Она сказала это спокойно, но пальцы чуть крепче сжали вейп. Вторая подруга заметила, но ничего не сказала. Они свернули к парку — тому самому, через который каждое утро проходил Н. Сейчас здесь было пусто. Голые деревья. Чёрные ветки. Лавочка, припорошенная серым снегом.

— Я в магазин, — сказала первая. — За чипсами и колой. На дискотеку голодными не пойдём.

— Я с тобой, — дёрнулась вторая. — А ты?

— Я здесь посижу, — А кивнула на лавочку. — Устала.

Подруги ушли — две фигуры, растворившиеся в тумане обыденности.

А села. Достала телефон. Посмотрела на экран — пусто. Никаких сообщений. Сунула обратно. Подняла воротник куртки. Ветер был лёгкий, но холодный — подмораживал кожу, заставлял ёжиться. Снега всё ещё не было. Только серость. Только тишина.

Она смотрела на пустой парк и вдруг вспомнила.

Она смотрела на пустой парк и вдруг вспомнила.

Несколько дней назад. Вечер. Тот самый день. Когда они сидели в подсобке, ели конфеты, смеялись. Когда она обняла его на лестнице — и внутри что-то щёлкнуло.

Она пришла сюда вечером. Не договаривалась. Не знала точно, придёт ли он. Просто — пришла. Села на эту же лавочку.

Стала ждать.

Вечер был другим. Не серым — тёмным. Цвета — глубокие, приятные. Чёрное небо над головой, золотые фонари вдоль аллеи. Снега ещё не было — только иней на ветках, только замёрзшие лужи, только дыхание, которое превращалось в пар. Ветер был лёгкий, но холодный — подмораживал кожу, заставлял прятать руки в карманы. Воздух — чистый, резкий. Дышалось легко. И в этой лёгкости было что-то, чего не хватало днём. Как будто ночь смывала серость. Как будто темнота делала мир честнее.

Она сидела на лавочке и ждала. Сердце билось чуть быстрее обычного — не от страха, не от холода. От ожидания. Она не знала, придёт ли он. Не знала даже, хочет ли он её видеть. Но что-то внутри говорило: «Приходи. Просто будь здесь. Просто жди».

Мимо прошла пара — парень с девушкой, смеялись чему-то, держались за руки. А посмотрела им вслед. Что-то кольнуло — не зависть, а смутное чувство. Она отогнала его. Достала телефон. Проверила чат — пусто. Она не писала ему. Он не знал, что она здесь. Сунула телефон обратно. Замёрзли пальцы. Она подышала на них. Спрятала в карманы. И осталась.

Она могла бы уйти. Или сделать вид, что не заметила. Просто встать и пойти домой — он бы никогда не узнал, что она тут была.

Но что-то внутри сказало: «Вставай».

И она встала. Потому что увидела их.

Н и h. Они шли через парк, о чём-то говорили. Н размахивал руками — кажется, рассказывал о чём-то великом. Голос звучал уверенно, громко — даже сквозь расстояние. До неё долетали обрывки фраз.

— ...аксиома разрушена... теперь у меня есть определённые основания полагать...

h что-то ответил — коротко, негромко. Она не разобрала.

— ...я составляю новый план... вернее, закончу уже давно начатый... через несколько дней... у нас там вроде дискотека должна быть? Вот она и будет финальным аккордом...

h снова что-то сказал. Н рассмеялся — коротко, уверенно. И они пошли дальше.

А не окликнула его. Просто встала с лавочки. Подошла. Как будто случайно.

— О, привет.

— Привет. Ты тут какими судьбами?

— Да так. Гуляю.

Она смотрела на него. Он смотрел на неё. h тактично отошёл на пару шагов — сделал вид, что заинтересовался деревом. Они поговорили минуту. Не больше. О чём — она уже не помнила. Какие-то пустяки. Какие-то слова, которые ничего не значили, но почему-то грели.

А потом она обняла его. Быстро. Легко. Как тогда на лестнице. Но в этот раз что-то было иначе. От него пахло морозом и ещё чем-то — может быть, чаем. Он чуть замер — она почувствовала, как напряглись его плечи. Но не отстранился. И она задержалась на секунду дольше, чем позволяют дружеские объятия.

Совсем чуть-чуть.

— Ладно, удачи, — сказала она.

— Спасибо. Тебе тоже.

Они разошлись. Он — дальше по парку, с h. Она — обратно к лавочке.

И всё.

Она сидела и смотрела ему вслед, пока фигура в тёмной куртке не скрылась за деревьями. Фонари горели. Ветер подмораживал. Иней блестел на ветках. И было в этом что-то правильное. Что-то, что она не могла назвать, но чувствовала.

«Он даже не знает, что я специально пришла, — подумала она. — И не узнает. Потому что я не скажу». Это была её тайна. Маленькая, глупая, никому не нужная — но её. И от этого становилось тепло.

Потом она встала. У выхода из парка обернулась. Фонари всё ещё горели. Лавочка была пуста. Иней блестел на ветках. И больше ничего.

Она пошла домой.

А сейчас — она снова сидела на той же лавочке. Серый день. Серый снег. Серый воздух. Никакого волшебства. Только холод. Только ожидание. Только память о том, как несколько дней назад здесь было тепло.

Она вздохнула. Достала телефон. Снова пусто.

«Ну и ладно», — подумала она.

А сидела на лавочке и ждала. Подруги вернулись быстро — принесли чипсы, колу и ещё что-то в шуршащем пакете. Кажется, булки. Или мини-пиццу. А не стала уточнять — просто взяла одну, откусила. Не совсем теплая, даже не разогретая. Но пойдёт.

Расселись рядом. Захрустели. Парк вокруг был пустым и тихим. Голые ветки чернели на фоне серого неба. Снег под ногами — грязный, истоптанный. Лавочка холодная, но терпимо. Где-то вдалеке, за деревьями, проехала машина — звук утонул в серости. И снова тишина.

Разговор потёк сам собой — лёгкий, ни к чему не обязывающий.

Со стороны спортивной площадки подошли двое. Из тех, что вечно ошииваются у школы после уроков. Один — высокий, в расстёгнутой куртке, с самоуверенной улыбкой, которая, кажется, никогда не сходила с лица. Второй — пониже, молчаливый, с руками в карманах и взглядом, который ничего не выражал. Они подошли к лавочке, заговорили. Подруги оживились — заулыбались, захихикали. А даже не повернула головы. Сидела, смотрела в сторону, и весь её вид говорил: «Не сейчас. Не с вами. Не сегодня». Парни постояли ещё минуту, переглянулись и ушли — туда, откуда пришли.

— Ну и зачем ты так? — спросила первая.

— Как?

— Как будто их нет.

— А они есть?

— Ну... вроде.

— Вот когда будут — тогда и поговорим.

Подруги переглянулись. Ничего не сказали.

И тут — звук. Далеко, но различимый. Рёв мотора. Мотоцикл. Он проехал где-то за деревьями, за спортивной площадкой — невидимый, но слышимый. И А вздрогнула. Резко. Как будто этот звук ударил её под лопатку. Она обернулась — быстро, слишком быстро. Глаза пробежали по парку, по дорожке, по деревьям.

Никого. Только звук. Он удалялся. Затихал. Исчез.

Она выдохнула. Но плечи остались напряжёнными. Пальцы сжали край скамейки — она сама не заметила.

— Это не он, — тихо сказала одна из подруг. — Просто кто-то проехал.

— Ага, — А кивнула. — Просто кто-то.

— Слушай, может, уже пора что-то с этим делать? — вторая посмотрела на неё серьёзно.
— С чем?

— С ним. С этим... сталкером твоим. Он же реально за тобой ходит. То у дома, то в парке. Вчера опять видели. Прямо патрулирует.

— Пусть ходит. Мне-то что.

— Тебе — ничего. А если он что-то сделает?

— Что он сделает? — А усмехнулась, но усмешка вышла кривой. — На мотоцикле прокатит?

— Я серьёзно.

— Я тоже. Он просто больной. Таких игнорировать надо.

— Ты его игнорируешь, а он за тобой ездит. Может, родителям сказать? Или в полицию?

— И что я скажу? «За мной ездит мальчик на мотоцикле»? Они посмеются и забудут.

— А если он опять...

— Не опять. Я не дам.

Она сказала это спокойно. Твёрдо. Но пальцы всё ещё сжимали скамейку. Подруги переглянулись. Ничего не сказали.

А достала вейп. Первая затяжка. Дым растворился в сером воздухе.

— Ты чего такая? — спросила одна.

— Какая?

— Ну... не здесь. Как будто ты не с нами.

— Я с вами. Просто задумалась.

— О чём?

А не ответила. Вторая затяжка. Дым. Тишина.

Она думала о Н. Не о чём-то конкретном — просто о нём. О том, как он сидел напротив неё и говорил: «Я не проигрываю». О том, как он смотрел на неё — не оценивающе, а изучающе. Как будто она была не просто девушкой из класса ниже, а задачей. Но при этом — не задачей. Чем-то другим. Чем-то, что она сама не могла объяснить.

И ещё — он бы не одобрил. Вейп. Компанию. Пустые разговоры. «Гедонисты недоделанные», — сказал бы он. Или не сказал бы — он редко говорил такое прямо, во всяком случае, ей. Но подумал бы точно.

«Может, бросить? — мелькнуло у неё. — И вейп, и... компанию... нет, но, думаю, даже начальный шаг он бы одобрил».

Она усмехнулась сама себе. С каких пор её волнует, что он одобряет? С каких пор она вообще думает о том, что кому-то нравится или не нравится в её жизни? Она жила как жила. Делала что хотела. Не отчитывалась. И тут — он.

«Я не проигрываю».

Третья затяжка. Последняя. Она выдохнула дым и посмотрела на вейп так, будто видела его впервые.

«Глупость. Но он бы одобрил».

— Ты чего улыбаешься? — спросила подруга.

— Да так. Вспомнила кое-что.

— Что?

— Неважно. Своё.

— Ну, как хочешь.

Она убрала вейп в карман. Не выбросила. Просто убрала. И потянулась за чипсами.

Подруги засмеялись. А — тоже. И впервые за день смех был почти настоящим.

Они посидели ещё немного. Доели чипсы. Допили колу. Разговор потёк дальше — о пустяках, о дискотеке, о том, кто с кем и почему. А слушала вполуха. Иногда вставляла фразу, иногда кивала. Но внутри уже было тихо. Спокойно. Почти.

Потом подружки засобирались.

— Ладно, нам ещё домой. Переодеться надо перед дискотекой.

— Ага. Встретимся у школы?

— Давай.

Они ушли. А осталась на лавочке одна. Посидела ещё минуту. Посмотрела на пустой парк — те же голые ветки, тот же грязный снег. Ничего не изменилось. Вздохнула. Встала. И пошла к выходу.

Она шла через парк — мимо фонарей, которые вечером горели золотым, а сейчас стояли тёмные, ненужные. Мимо ряда лавочек. Мимо кофейни на открытом воздухе, где она иногда отмечала день рождения. Мимо места, где она встретила тогда Н.

Тогда был вечер. Тогда было тепло — не снаружи, внутри. Сейчас — серый день. Серый снег. Серый воздух.

У выхода из парка она свернула налево — туда, где начинался рынок. Железные прилавки закрывались, рынок пустел.

А прошла мимо рынка. Справа осталась автостанция — пустая, сонная. Она пошла налево, в частный сектор. Здесь было тише. Дома стояли невысокие, заборы — покосившиеся. Старая яблоня в одном из дворов тянула голые ветки к небу. Снег лежал нетронутый — белый, не то что у школы. Красиво... почти.

Она оглянулась — просто так, без причины. И увидела их.

Л и Н. Они шли вдалеке, там, где кончался рынок и начиналась дорога к многоэтажкам. Л что-то рассказывал, для него довольно спокойно. Н шёл рядом, засунув руки в карманы, и иногда кивал. Они не заметили А. Просто шли и говорили о своём.

А посмотрела им вслед. «Друзья Н, — подумала она. — ...что он задумал?» Она вспомнила обрывок фразы, которую слышала тогда в парке: «дискотека будет финальным аккордом». Что это значило? Она не знала.

Но отчего-то стало теплее. Или тревожнее. Она не разобрала.

Л и Н скрылись за поворотом. А пошла дальше — вглубь частного сектора, к своему дому.

Тишина.

Ожидание.

3.3 «Ангел без крыльев»

А шла вдоль рынка.

За ним начинался частный сектор. Здесь было тише. Дома стояли невысокие, заборы — покосившиеся. Старая яблоня в одном из дворов тянула голые ветки к небу. Снег лежал нетронутый — белый, не то что у школы.

У детского сада она замедлила шаг. Маленькое здание с выцветшей вывеской и пустым двором. Качели стояли неподвижно. Горка была присыпана снегом. Летом здесь кричали дети. Сейчас — тишина. А посмотрела на качели и вдруг подумала: «Когда-то я тоже здесь бегала». Вспомнила. В её голове всплыли слова: «Раньше было легче».

А остановилась. Постояла секунду. Потом толкнула калитку — та поддалась со скрипом. Она вошла во двор. Прошла к качелям. Села. Цепи звякнули — знакомый звук из детства.

Оттолкнулась ногой. Качели качнулись — сначала робко, потом увереннее. Скрип. Ещё скрип. Она смотрела на пустой двор, на горку, на песочницу — и думала.

«Когда-то я здесь качалась. Каждый день. После садика. Мама стояла вон там, у ворот, и ждала. А я кричала: „Ещё выше!“ И она улыбалась. Тогда всё было просто. Тогда не было никаких сталкеров. Никаких сигарет. Никаких... Только качели. Только мама. Только небо».

Она подняла голову. Небо было серым — сплошным, без просвета. Но пока она смотрела, на нём что-то дрогнуло. И вдруг — первая снежинка упала на щёку. Холодная. Лёгкая. За ней — вторая. Третья.

Но на этом всё кончилось.

А сидела на качелях и смотрела. На двор, на горку, на песочницу.

Она сидела, пока руки не замёрзли. Потом встала. Пошла дальше.

Мысли текли лениво — не как у Н. Он бы на её месте уже строил систему: «Детский сад — начальная школа — средняя школа — дискотека. Этапы. План». Она так не умела. Она просто шла. Просто смотрела. Думала, что Н будет там. И всё будет отлично.

Дом был необычный. Не как у всех. Полукруглые формы, несколько этажей, большие окна, которые смотрели на частный сектор и на старую яблоню во дворе. Кто-то когда-то строил его с фантазией — или просто хотел выделиться. Сейчас дом уже не казался новым, но всё ещё держал марку. Внутри было уютно. Не идеально — но уютно.

А поднялась на второй этаж, в свою комнату. Здесь был лёгкий бардак — не разруха, а жизнь. На стуле висела куртка, которую она не повесила уже неделю. На столе — пара кружек, одна с засохшим чайным следом, другая — с остатками кофе. Тетради, зарядка, заколка, которую она искала три дня назад. У окна — зеркало в полный рост. У кровати — старый плед, сбитый в углу. Она не заправляла постель. Зачем? Всё равно вечером снова ложиться.

В столе был отдельный ящик. Тот самый, куда она складывала гигантское количество упаковок от жевачек. Они лежали там слоями — яркие, цветные, шуршащие. Фантики, обёртки, пачки. Она не выбрасывала их. Почему — сама не знала. Может быть, коллекция. Может быть, привычка. Может быть, просто лень. А может — память. Каждая упаковка была как маленький день. День, когда она купила жвачку. День, когда она шла по улице. День, когда что-то случилось — или не случилось. Ящик открывался с трудом — столько всего там скопилось.

Она села на кровать. Достала телефон. Экран загорелся. Пусто. Никаких сообщений. Она открыла чат с Н. Палец завис над кнопкой. Потом всё же написала.

А: привет

А: ты как?

Ответ пришёл быстро. Как всегда.

Н: Привет. Нормально. Готовлюсь к вечеру.

А: к дискотеке?

Н: К ней. И не только. У меня сегодня большой план.

А: у тебя всегда план

Н: План — это основа. Без плана нельзя.

А: я без плана живу. и ничего

Пауза. Индикатор мигал. Потом:

Н: Ты живёшь, но могла бы жить лучше.

А: это как?

Н: Эффективнее.

А: Может, не знаю.

Н: Не может, а точно. Я знаю

А: знаешь что?

Н: Что ты можешь больше, чем делаешь. Я вижу.

Она улыбнулась. Он всегда так. Даже комплименты у него были такие. Но почему-то это не злило.

Она помолчала. Потом набралась смелости.

А: а зачем ты вообще на дискотеку идёшь?

Н: Есть причины.

А: какие?

Н: Стратегические.

А: ты когданибудь говоришь просто?

Н: Иногда. С тобой — да.

А: а сейчас?

Н: Сейчас — нет. Сейчас я думаю о вечере.

А: и что ты думаешь?

Н: Что всё получится.

А: а если нет?

Н: Получится. Я знаю.

Она не стала спорить. Он всегда так говорил. И почему-то ей хотелось верить.

За окном начинали мерцать снежинки. Первые, робкие, почти невидимые коснулись стекла. А посмотрела на них.

А: у нас снег пошёл

Н: У нас тоже. Я смотрю в окно.

А: красиво

Н: Красиво — это когда всё белое. А пока — серое. Но скоро всё будет.

Она смотрела на снег. Ветки старой яблони во дворе покрывались белым. Забор. Дорога. Всё исчезало под снегом.

И тут — мысль. Неприятная. Как заноза.

А: слушай

Н: Да?

А: этот опять объявился

А: сталкер

Она помедлила. Пальцы дрогнули. Но она всё же написала.

А: он меня пол-лета терроризировал

А: на мотоцикле ездил за мной

А: у дома стоял

А: я уже не знала куда деваться

А: а потом пропал

А: и вот вчера опять

Н ответил не сразу. Она видела, как мигает индикатор. Он думает. Потом:

Н: Ты в безопасности сейчас?

А: я дома

Н: Хорошо.

И через секунду:

Н: Ты говорила, он у дома стоял. Это уже серьёзно. Если ещё раз — вызывай полицию. Без раздумий.

А: я тоже так думаю

А: просто боязно как то

Н: Понимаю. Но ты не одна. Если что — я помогу. Всегда. Чем смогу.

Она смотрела на эти слова. «Я помогу. Всегда». Простые. Ничего особенного. Но они грели. Как будто кто-то встал рядом. Не перед ней — рядом.

А: спасибо

Н: Не за что.

Она хотела написать что-то ещё, но передумала. И вдруг — вспомнила.

А: кстати

А: я тебя видела давно

А: ещё до моего, того выступления

А: ты шёл по коридору с рюкзаком

А: и говорил с кем-то

А: я хотела подойти но не решилась

Пауза. Индикатор мигал. Она ждала.

Н: Я тебя не видел.

А: я знаю

А: я специально за угол отошла

Н: Почему?

А: не знаю

А: глупо

А: но я тогда подумала: «Он занят. У него свои дела. Не буду мешать»

Н ответил не сразу. Индикатор мигал дольше обычного. Потом:

Н: Ты мне не мешаешь)

А: я уже поняла

Она улыбнулась.

Отложила телефон. Но тут же взяла снова. Палец сам скользнул по экрану — вниз, вниз, до самого конца списка чатов. Туда, где прятался незаметный, без аватарки, без имени. Номер, который она не сохраняла.

Она открыла. Сообщений было немного. Он писал редко, но каждое — как гвоздь. «Ты где?» «Я жду». «Почему молчишь?» «Я знаю, ты меня видела». Последнее было вчера вечером. «Я знаю, ты будешь на дискотеке».

А смотрела на эти слова. Они не пугали. Не злили. Они просто были — как шрам. Как старая царапина, которая зажила, но след остался. Она не отвечала. Никогда. Но и не блокировала. Почему? Может быть, боялась. Может быть, хотела знать, что он пишет, — чтобы быть готовой. Может быть, просто не решалась поставить точку.

Палец завис над кнопкой «Заблокировать». На секунду. Две. Она выдохнула. Убрала телефон. Не сегодня. Сегодня — другое. Сегодня — дискотека. Сегодня — Н. И никакой стелкер этого не испортит.

Отложила телефон. Встала. Подошла к окну.

Снег всё падал — лёгкий, редкий, почти невесомый. Он не спешил укрывать город. Просто был. Как фон. Как тишина. Как обещание, которое ещё не выполнили.

За окном, во дворе, ничего не происходило. Старая яблоня стояла неподвижно — голые ветки уже припорошило белым. Забор темнел под снегом. У соседнего дома женщина выгуливала собаку — та тянула поводок, женщина что-то говорила ей, но слов было не слышно. Чуть дальше, у дороги, буксовала машина — колёса прокручивались в снегу, и водитель, кажется, ругался.

А смотрела на это — и не чувствовала ничего. Просто картинка. Просто жизнь. Чья-то, не её.

Город за окном жил своей жизнью — тихой, незаметной, как сердцебиение. Он не знал о Н. Не знал о сталкере. Не знал о девочке, которая стояла у окна и смотрела на снег. Ему было всё равно. Он просто был — старый, уставший, серый. Со своими рынками и автостанциями, с ржавыми рельсами и разрушенными постами, с церквями, которые не светились, и терриконами, которые спали под снегом. Со своими людьми, которые шли по улицам, сами не зная куда. Со своими детьми, которые качались на качелях, пока не вырастали. Со своими ангелами, которые снимали крылья и прятали их в шкаф.

Город был свидетелем. Молчаливым. Равнодушным. Вечным. Он видел всё — и ничего не говорил. Он принимал всех — и никого не судил. Он был как старый плед, в который можно завернуться, но который не греет.

А стояла у окна и думала: «Вот он, город. Я здесь родилась. Здесь выросла. Здесь качалась на качелях у детского сада. И здесь же — вот сейчас — стою и смотрю на снег. И ничего не изменилось. Или изменилось всё. Странно».

Она отошла от окна. Подошла к зеркалу.

Отражение смотрело на неё. Светлые волосы, рассыпавшиеся по плечам. Глаза — живые, быстрые, но сейчас — спокойные. Было в ней что-то такое, что заставляло смотреть. Может быть, лёгкость. Может быть, жизнь. Может быть — надежда.

Она вгляделась в зеркало пристальнее. «Вот я, — подумала она. — Ангел. Смешно. Крылья до сих пор в шкафу лежат. А вот я — с вейпом в парке. А вот я — на лавочке, жду его. А вот я — сейчас. Может, всё. Может, никто».

Она не знала ответа. Но впервые за долгое время этот вопрос не пугал. Просто был. Как снежинки за окном.

Она открыла шкаф. Достала костюм. Простой. Без претензий. Бросила на кровать. И тут — край фольги блеснул в глубине шкафа.

Крылья.

Она замерла. Потом потянулась. Достала. Они были чуть помяты — картонные, обклеенные фольгой, с обтрёпанными краями. Нимб, который тогда сползал набок, лежал здесь же — согнутый, но целый. Она держала крылья в руках и смотрела на них.

«Ангел, — подумала она. — Прикольно. Смешно».

Она приложила крылья к спине. Повернулась к зеркалу. Фольга блеснула в свете лампы. На секунду — всего на секунду — она увидела себя той, кем была тогда. Той, что стояла на сцене и улыбалась. Той, что потом сидела в подсобке, ела печенье и смеялась над его шутками. Той, что обняла его на лестнице — и внутри что-то щёлкнуло.

«Красиво, — подумала она. — Глупо, но красиво».

Она опустила крылья. Положила обратно в шкаф. Нимб — сверху. Закрыла дверцу. Но что-то внутри дрогнуло. Как будто та девочка-ангел всё ещё была здесь. Где-то глубоко. И сегодня — может быть — она снова ей понадобится.

Там будут все. Н, подруги и...

Она подумала о сталкере. О том, что он, может быть, тоже придёт. И внутри сжалось — то самое, знакомое. Но она отогнала эту мысль. Твёрдо. Спокойно. И почти поверила.

Она посмотрела на ящик стола. Тот самый, с жевачками. Открыла. Фантики зашуршали — яркие, цветные. Взяла вейп. Покрутила в пальцах. Посмотрела на него долгим взглядом — так, будто видела впервые.

«Может, бросить? — мелькнуло у неё. — Он бы одобрил».

Она взвесила электронку в руке. Лёгкий. Привычный. Она не была готова. Не сегодня. Но что-то внутри уже сдвинулось. Как снег за окном — сначала робкий, потом увереннее.

А сунула вейп обратно в ящик. Не спрятала — просто убрала. И пошла переодеваться.

Покрутилась перед зеркалом. Поправила волосы. Ещё раз. И ещё. «Для кого я это делаю?» — спросила она себя. И не ответила. Просто улыбнулась.

Она взяла телефон. Проверила чат. Н ничего не написал. И хорошо. Или плохо? Она не знала.

Телефон зазвонил. Подруга. Та самая, что была с ней в парке. Она провела пальцем — приняла.

— Ты дома?

— Ага. Собираюсь.

— Я тоже. Слушай... — подруга замялась.

— Что?

— Мне девчонки сказали, он вчера опять у школы был. И сегодня, говорят, его видели.

У ДК.

Внутри что-то сжалось. Но А не подала виду.

— Ну и пусть. Мне-то что.

— Как «что»? Ты же идёшь на дискотеку. Он, видимо, будет караулить.

— Я его не боюсь.

— Я знаю. Но всё равно... будь осторожна.

Пауза. Подруга явно хотела сказать что-то ещё. И сказала:

— Слушай... а Н? Он же тоже будет, да?

— Будет.

— Ну вот. Может, он тебя проводит? Или... не знаю. Ты ему скажи. Про stalkера. Пусть поможет.

— Я уже сказала.

— И что?

— Сказал, поможет.

— Во-о-от! — подруга оживилась. — Я же говорю! А ты...

— Что я?

— Ничего. Просто... ты иногда сама себе мешаешь. Может, хватит уже? Может, пора что-то решать?

А молчала. Подруга тоже замолчала. Потом вздохнула:

— Ладно. Не буду давить. Просто подумай. Ладно?

— Ладно.

— Ну всё. Давай. Встретимся в школе.

— Давай.

А положила телефон. Подруга не сказала ничего прямо. Но её слова остались. «Может, пора что-то решать». «Хватит уже».

Она посмотрела на зеркало. На шкаф, где лежали крылья.

«Может, и правда, пора»

Спустилась по лестнице. В доме было тихо. Мать на работе. Бабушка, наверное, спит.

Она вышла на крыльцо. Снег уже лежал — белый, чистый. Он всё падал и падал, укрывая двор, яблоню, забор. Она постояла секунду. Вдохнула холодный воздух. Он был свежим. Резким. Живым.

За окном падал снег. Дерево белело. Качели у детского сада скрипели под ветром. Фантики в ящике лежали неподвижно, храня свои маленькие дни. И где-то внутри неё, под слоем привычек и страхов, дрожала тонкая, едва заметная нить.

Нить надежды. Нить ожидания.

Нить судьбы.

4.1 «Абсурд и вечность»

Все разошлись — каждый своим шагом, со своими мыслями, своей судьбой, чтобы в разное время встретиться вновь в этот же день.

Пока мысли подростков металась между планами и тревогами вечера, город жил своей размеренной жизнью. Редкие машины упрямо бороздили улицы, разбрызгивая по обочинам снежную крошку. Прохожие, пряча лица в воротники, торопились к теплу своих домов, спасаясь от крепчающего мороза, который с каждым часом сковывал всё крепче. Чувствовалось, что совсем скоро наступит тот переломный миг, когда холод окончательно победит, и мир замрёт, являя собой молчаливую картину подлинно зимней красоты.

Л и h шли вдоль дороги, которая уходила вдаль — туда, где многоэтажки громоздились серыми громадами. Панельки тянулись к небу, но не доставали. Окна горели жёлтым — где-то больше, где-то меньше. Складывались в неровный узор, как пиксели на старом мониторе. За одной из этих стен сейчас был Н. Наверное, готовил свои планы.

Солнце, пробившееся сквозь облака, ударило по многоэтажкам золотым лучом — тем самым, что недавно упал на Н. Тот самый луч, что прорвал серую пелену и зажгёт лёд под его ногами. Теперь он скользил по стенам домов, зажигал окна, дробился в снегу.

Л заметил это. Остановился на секунду. Прищурился.

Хмыкнул. Они пошли дальше. Дорога под ногами была скользкой — лёд, присыпанный снегом, предательски блестел. Л наступил на застывшую лужу, и она хрустнула под ботинком — тонко, жалобно. Он посмотрел вниз. Трещины разбежались в стороны, как вены. Как будто лёд дышал. Как будто ему было больно.

— Знаешь, — Л отвёл взгляд, — я когда уезжал, думал, что всё здесь останется прежним. Ну, знаешь, как в книге — закрыл, открыл, та же страница.

— А оказалось?

— А оказалось — другая. И я не уверен, что понимаю, о чём она.

h молчал. Он всегда молчал, когда нужно было говорить. И говорил, когда все молчали.

— Ты заметил, как Н изменился? — продолжил Л, и в его голосе прозвучал необычный жар. — Уезжая, я точно не оставил его таким. Даже общаясь на расстоянии... Слишком многое с ним стало происходить резко.

Он говорил не осуждая, а скорее с интересом.

— Тебе везёт, — лицо h озарила редкая улыбка. — А я вот все эти три года был с ним бок о бок.

— Но ты же должен был заметить перемену? Насколько я понял, он все свои речи сначала на тебе репетирует, — в уголках губ Л мелькнула хитринка.

Вечер постепенно вступал в свои права. Темнота ещё не опустилась, но снег уже начинал блестеть всё ярче. Холод, словно острые стрелы, пронизывал обоих.

— Да, — сухо ответил h. — Я не всегда вникаю в смысл его слов. Но уверенности в них — хоть отбавляй. Да, безумной. Но представь, будь мы все нормальными... — Он не стал делать вывод, оставив фразу повисшей в воздухе.

Л какое-то время молча переваривал. А ведь и правда — их дружба, их странная жизнь с Н была куда интереснее любой нормальности. Нормальность была скучной. Нормальность была серой.

— Я тебе сейчас расскажу кое-что, — Л вдруг оживился. — Ты же знаешь, я последнее время космосом увлёкся. Ну, не просто так, а прям глубоко. Чёрные дыры, теория струн, всё такое.

— Знаю. Ты мне в чат скидывал. В три часа ночи.

— Ну да. И вот я сижу, читаю про эти чёрные дыры. И меня осеняет.

— Что?

— Вселенная расширяется, да? Постоянно. Но когда-нибудь она начнёт сжиматься. И тогда время пойдёт вспять. И все, кто умер, — они оживут. Только в обратном порядке. Сначала встанут из могилы, потом помолодеют, потом станут детьми, потом исчезнут. И всё, что было, — всё повторится. Только наоборот.

h посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты это сейчас придумал? Называешь Н резким, а сам начинаешь его речи.

— Та ну нет. Это где-то было. Какая-то теория. Но я её додумал. Представляешь? Мы все живём второй раз. Или третий. Или сотый. Просто не помним. А Н — он, может, помнит. Поэтому он так спешит. Поэтому строит Империю. Он знает, что времени мало. Что вселенная сжимается.

— И что будет, когда она сожмётся до конца?

— А вот тут самое интересное, — Л поднял палец. — Она сожмётся в точку. В сингулярность. А потом — новый Большой взрыв. И всё начнётся заново. Только немного иначе. Потому что каждая сингулярность уникальна. Понимаешь?

— Понимаю, — h кивнул. — Ты хочешь сказать, что у нас есть шанс.

— Да! Именно! Шанс! В следующей вселенной Н не будет таким. Или будет — но мы успеем его остановить. Или не остановим — но тогда в следующей. И так до тех пор, пока всё не получится правильно.

h молчал, в душе смеясь над словами Л. Они прошли ещё несколько метров. Лёд хрустел под ногами.

— Знаешь, что я думаю? — сказал h наконец.

— Что?

— Может, не надо ждать следующей вселенной. В этой ещё можно что-то сделать.

— Что?

— Не знаю. Но луч ещё светит. Значит, не всё потеряно.

Л посмотрел на солнце. Луч действительно ещё держался — тонкий, золотой, пробивающийся сквозь облака. Он падал на снег, на лёд, на дорогу. И в этом свете было что-то, что не давало отчаяться.

— Слушай, — h вдруг остановился. — А что, если Н прав?

— В чём?

— Во всём. В плане. Империи. В том, что судьба благоволит. Что, если он действительно идёт правильно?

Л помолчал. В балансе между странностью и правильностью, он скорее выбирал второе, хоть и не на все сто.

Н продолжил:

— Но правильно — не значит легко. И не значит безопасно. Ты же видел его сегодня. Он как поезд, который разогнался. Главное, чтобы рельсы не кончились.

— А если не кончатся?

— Тогда он доедет.

— И куда?

— К себе. К тому, кем он должен стать.

Л задумался. Они прошли мимо компании ребят из параллельного класса — те стояли у ларька, обсуждали что-то, смеялись. Девчонки поправляли причёски, парни хлопали друг друга по плечам. Все готовились к вечеру, дискотеке. К тому, что случится.

— Помнишь, как мы в первый раз с ним пошли на олимпиаду? — вдруг сказал Л. — Он тогда ещё не был Императором. Просто Н. Умный, скорее спокойный, но не... не такой.

— Помню. Он тогда всех порвал. Как говорится: Пришёл. Увидел. Победил.

— Да. А потом мы сидели в столовой, и он говорил меньше, но смеялся чаще. Проще как-то, хоть лидерство у него всегда было.

— Так и было, — h кивнул. — Н был проще. Может раньше эти имперские замашки и были, но внутри. А теперь — снаружи.

— И что, по-твоему, лучше?

— Не знаю. Но главное — честнее.

Они шли дальше. Улица оживала. Прохожие брели в своих направлениях. Из соседнего двора вышли несколько девчонок — в куртках, но уже с укладкой, уже готовые к вечеру. Они о чём-то щебетали, смеялись, и их смех разлетался по морозному воздуху, как осколки стекла. Где-то вдалеке проехала машина — загудела, просигналила, скрылась за поворотом. Город жил. Ждал.

— Знаешь, что я думаю? — сказал Л. — Я думаю, что Н — это как та чёрная дыра. Он всё затягивает в себя. Нас. А. Д. Всех. И мы крутимся вокруг нашей компании, не всегда все вместе. Но тем не менее, если он вдруг исчезнет — мы просто разлетимся в разные стороны.

— Так и будет, — h пожал плечами. — не забывай, нам не так долго до выпуска осталось. Мы не должны жаловаться, некоторым в этом году выпускаются.

— А мы — не жалуемся. Мы ждём.

Л рассмеялся. Хлопнул h по плечу. И они пошли дальше.

Солнце уже почти село. Луч на снегу погас. Но в окнах многоэтажек зажглись новые огни — один за другим, как будто город зажигал свечи перед долгой ночью.

— Ладно, — Л вздохнул. — Может, ты и прав. Главное, что весело. И даже с его манией захватить мир, выглядит он вполне... добрым. — Он чуть помолчал и добавил: — К тому же, с кем мне ещё в «Хойку» играть?

h ничего не ответил. Он смотрел на окна домов, которые были ему по пути, и думал о чём-то своём.

— Мне уже сворачивать, — сказал h.

— Давай, — на лице Л вспыхнула лёгкая улыбка.

Два луча, просветлённые этим мимолётным солнцем, наконец направились по домам.

Л остался один. Он шёл мимо снежного поля — ровного, нетронутого, как чистый лист, который пересекала лишь одна тропинка, вытоптанная школьниками. Ветер подхватывал с края поля сухой снег и кружил его в призрачные, танцующие вихри, точно пустота сама себя наполняла. Л смотрел на это и думал: «Вот так и мы. Идём по одной тропинке, и каждый думает, что он один. А на самом деле нас много. Просто мы не видим друг друга за снегом».

«Надо будет взять что-нибудь пожевать, — подумал он, — и попить».

Улица была пустой, но не мёртвой. Где-то хлопнула дверь, зашумели разговоры. Проехала машина — звук родился из тишины и в ней же растворился.

Л сунул руки в карманы и пошёл дальше. Впереди был магазин.

У магазина, того самого, с вывеской «24», горел тусклый свет. Л толкнул дверь. Внутри было тепло и пусто, только продавщица — та же, что всегда, уставшая женщина в синем фартуке — подняла глаза и тут же опустила. Л прошёл к полкам, взял чипсы, взял колу.

И тут его кто-то тронул за плечо.

Он обернулся. Перед ним стоял человек — не старый, но изношенный, с лицом, на которое жизнь наложила слишком много слоёв. Одежда на нём была намотана слоями, как будто он надел всё, что у него было, и не снимал годами. Глаза — живые, быстрые, даже слишком быстрые, они бегали по сторонам, как будто искали что-то, чего здесь не было и быть не могло. От него пахло перегаром, но не свежим — застарелым, вьёвшимся в ткань.

— С-слушай, — сказал человек, и голос его был хриплым, но не злым. — Ты это... понимаешь...

Л сделал шаг назад. — Чего?

— Оно ведь не так всё. Всё-всё по-другому.

— Что по-другому? — Л уже пожалел, что остановился.

— Всё, — человек обвёл рукой магазин, улицу, мир, и в этом жесте было что-то такое, что Л замер. — Они думают, что знают. А они не знают. Я знаю. Я там был, где они не были, и я там... — он осёкся, заморгал, как будто потерял мысль, как будто она ускользнула от него самого.

Л хотел отвязаться. Хотел сказать «извините, мне пора» и уйти. Но что-то его остановило. Может быть, глаза — в них, сквозь безумие, просвечивало что-то почти детское, что-то, что не заслуживало грубости. То, как человек дрожал — не от холода, а от чего-то другого, что шло изнутри и не могло выйти. Это заставляло сознание подростка хотя бы, не уходить.

— Вы в порядке? — спросил Л.

— В порядке? — человек усмехнулся, и усмешка вышла кривой, как трещина на льду. — Никто не в порядке. Все думают, что в порядке, а порядка нет, и не было, и не будет. Есть только... — он замолчал, подбирая слово, и Л увидел, как его пальцы сжались в кулак и разжались, сжались и разжались, будто он пытался ухватить воздух. — ...движение. Ты идёшь. Я иду. Все идут. Только не знают куда. Идут, как снег — падают и падают, и никто не спрашивает зачем, и никто не знает, где упадут. И это... это... ну, ты понимаешь. Это и есть жизнь. Не та, которую показывают по телевизору, а та, которая вот здесь. — Он постучал себя по груди. — Там, где тихо. Где никто не слышит.

Л расплатился и вышел из магазина. Человек вышел за ним — без спроса, без приглашения, просто как будто так и надо, как будто они были знакомы сто лет и просто встретились после долгой разлуки.

— Тебе куда? — спросил Л.

— Туда, — человек махнул рукой в сторону частного сектора. — Или сюда. Никуда. Я везде был, и везде одно и то же. Дома стоят, люди ходят, снег падает. Только внутри — пусто. Внутри у всех пусто, а они делают вид, что нет. Притворяются. Улыбаются. А ты не притворяешься. Ты настоящий. Я вижу.

Л вздохнул. Ему не хотелось брать на себя ответственность за этого странного попутчика, но и бросить его посреди улицы, в темноте, в мороз — тоже не хотелось. — Ладно. Пойдём. Мне туда же.

Они пошли. Снег скрипел под ногами, и этот скрип был единственным звуком, который связывал их с реальностью. Человек шагал неровно — то ускорялся, то замирал, то бормотал что-то под нос, и в этом бормотании проскальзывали обрывки фраз, смысл которых ускользал, но ритм которых был почти музыкальным. Л шёл рядом и думал: «Вот он. Ещё один. Таких много. Они живут среди нас, и мы их не замечаем, или замечаем, но отворачиваемся. Как от всего, что не вписывается в нашу картину мира. От всего, что напоминает нам, что мы сами — на волосок от...».

— Ты хороший, — вдруг сказал человек. — Я вижу. Ты не прогоняешь. Многие прогоняют, даже не смотрят, а ты смотришь. Смотришь — это важно. Это уже половина. Вторая половина — держать.

Ты держишь? Тех, кто рядом?

— Стараюсь, — ответил Л.

— Стараться — мало. Держать надо крепко. Обеими руками. Потому что жизнь — она скользкая, как этот лёд. Ты думаешь: «Вот, стою». А потом — раз. И ты уже летишь. И не за что ухватиться. И тогда — всё. Тогда — один. А один — это... ну, ты понимаешь. Это как снег. Падает и падает. И никто не заметит.

Они прошли мимо тёмных окон, мимо заборов небольших, в 3 этажа зданий, мимо старой берёзы, которая уже не тянула голые ветки к небу, а пыталась их не уронить. Вечер сгустился, и в его тених фигура человека казалась ещё более сломленной, ещё более призрачной.

— У тебя есть друзья? — спросил больной-пьяный-мудрец, и Л вдруг подумал, что это слово — «мудрец» — подходит ему больше, чем «алкаш». Не потому что он был мудрым. А потому что он говорил так, будто знал что-то, чего не знали другие. Пусть даже это «что-то» было бредом или просто болью, облечённой в слова.

— Есть, — ответил Л.

— Хорошие?

— Хорошие. Странные, но хорошие.

— Странные — это хорошо. Нормальные — они... — он не закончил, махнул рукой, и в этом жесте было больше смысла, чем в иной речи. — Ты их береги. Тех, кто странные. Тех, кто надолго. Потому что жизнь — она сначала говорит: «Вот, держи, это твоё». А потом — раз. И забирает. Или ты уходишь. Или они уходят. Или время уходит. И остаёшься один посреди снега, и уже ничего не исправить. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Л. И сам удивился, что сказал это искренне.

— Нет. Не понимаешь. Но поймёшь. Когда-нибудь. Когда станет поздно. Или когда станет рано. Это уж как повезёт. Это уж как карта ляжет.

Они дошли до перекрёстка. Здесь Л нужно было сворачивать. Он остановился, достал из пакета пачку чипсов и протянул человеку. — Держите. Поешьте.

Человек взял. Посмотрел на пачку. Потом на Л. В его глазах что-то дрогнуло — не благодарность, а что-то другое, что было там всегда, но редко показывалось. Может быть, память о том, что он когда-то тоже был нормальным. Что у него тоже были друзья. Что он тоже смеялся.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Ты хороший. Ты держи их. Всех. И себя не забудь. Себя тоже надо держать. Это самое трудное. Себя — труднее всего.

Он развернулся и пошёл — медленно, спотыкаясь, но упрямо. Л смотрел ему вслед. Больной-пьяный-мудрец сделал несколько шагов, потом ещё несколько, а потом нога его подвернулась на скользком, и он начал падать — но не так, как падают пьяные, не мешком, не кулем. Он падал медленно, раскинув руки в стороны, и в этом падении было что-то странное, что-то почти величественное. Снег взметнулся вокруг него белым облаком, осел на плечи, на спину, на раскинутые руки. Он лежал на снегу, и поза его напоминала расправленные крылья — не ангела, нет, а большой подбитой птицы, которая слишком долго летела и наконец рухнула, не долетев до цели. Пачка чипсов выкатилась из рук и замерла в сугробе, как маленький памятник.

Л замер. А потом побежал — сам не зная зачем, просто ноги понесли. Он добежал до того места, где упал человек, и остановился. Там не было никого. Снег был ровный, нетронутый, без следов падения, без ямы, без отпечатка тела. Только пачка чипсов лежала на снегу — та самая, которую он отдал минуту назад. Л поднял её. Повертел в руках. Огляделся.

Никого.

Только снег. Ветер. Тишина.

Он стоял и не мог понять: было ли это всё на самом деле? Был ли этот человек? Этот разговор? Или это просто мороз, усталость, ожидание вечера сыграли с ним шутку? Л не знал. Но пачка чипсов была настоящей. И слова — «береги тех, кто надолго» — всё ещё звучали в голове.

Снег начал стихать. Вихри улеглись. Поле снова стало ровным и белым, как будто ничего не случилось. Л сунул пачку в карман, развернулся и пошёл домой. Дорога была знакомой, но в этот вечер она казалась другой — длиннее, тише, таинственнее. Он думал о том, что сказал мудрец. О друзьях. О Н. О том, что всё может измениться в один миг, что он не хочет, чтобы это случилось.

Хочется сохранить всё как есть. Но что-то подсказывало ему, что не получится.

Л вдруг подумал: «Н бы его понял. Они говорили бы на одном языке — загадками, планами, предчувствиями. Два мудреца. Только один строит

Империю, а другой пропал в снегу».
Он не знал, кто из них счастливее. Может быть, никто.

4.2 «Здравствуй, чёрный понедельник»

Л сидел в комнате и смотрел в потолок. Там, по побелке, шла тонкая линия. Он смотрел на неё и думал о словах мудреца: «Береги тех, кто надолго». Слова не выходили из головы, крутились, как старая пластинка, и в конце концов утянули его в сон.

Конец осени. Пятый класс. Парк.

Они собирались большой компанией — почти половина класса. Идея идти домой всем вместе принадлежала Н, и он же, сам того не замечая, стал катализатором. Это не было спланировано — просто однажды он сказал: «А пойдёте все вместе», и это сработало. Так он задал моду в их классе: после уроков не разбегаться поодиночке, а собираться у ворот и двигаться через парк единой гурьбой. Кто-то откалывался по пути, кто-то присоединялся, но ядро оставалось неизменным: Н, h, Л, Родион и ещё несколько человек, чьи лица Л помнил смутно, а имена почти стёрлись, потому что они давно уже ушли — кто в другую школу, кто в другой город, кто просто в другую жизнь.

Деревья стояли голые, чёрные, и ветки переплетались над головой, как трещины на стекле. Воздух был чистым и резким, дышалось легко. Они шли через парк — шумные, громкие, перебивающие друг друга, — и в этом шуме было что-то правильное. Что-то, что потом исчезло.

Н был другим. Ещё не Императором — просто Н. Весёлый, жизнерадостный, немного тихий и стеснительный, когда дело касалось чего-то личного, но в компании он оживал. Он шутил, рассказывал что-то, размахивал руками, и его слушали. Не потому что он был умнее — он и тогда был умнее, но это не бросалось в глаза. А потому что он был своим. Смеялся вместе со всеми, а не над всеми. И если кто-то отставал — он замедлял шаг. Если кто-то молчал — он не лез с вопросами, но оставался рядом.

В тот день они задержались у старой сцены. Она стояла на краю парка, возле ДК, — деревянная, покосившаяся, местами ржавая. Когда-то на ней выступали местные танцоры, а теперь она просто гнила под открытым небом. Под сценой было пустое пространство — туда можно было залезть, и многие лазили. Один из давних друзей Н, парень по имени Ваня, однажды резко встал под ней и пробил себе голову гвоздём. Гвоздь торчал из доски — ржавый, старый, — и вошёл в кожу. Крови было немного, но шрам остался. Ваня потом всем показывал его, как трофей. Сейчас он уже не жил в городе — уехал ещё до войны, просто потому что так сложилось.

Они стояли у сцены, и Родион, как всегда, что-то рассказывал, травил анекдоты. Н смеялся — открыто, запрокинув голову, без оглядки.

Потом они двинулись дальше. Прошли мимо качелей, фигур зверей, черепахи, мимо лавочек, на которых летом сидели старухи. У выхода из парка их догнала Катя — не та, что в классе, а другая, из параллели. Она иногда гуляла с ними, но держалась чуть особняком, как человек, который уже знает, что скоро уйдёт. Её семья собиралась переезжать — не из-за войны, та ещё не началась, а просто потому что там, в другом городе, отцу предложили работу и жизнь обещала быть лучше.

Катя подошла к Н. Они немного поговорили — о чём-то неважном, о школе, об уроках. А потом она вдруг сказала, глядя не на него, а куда-то в сторону, на голые ветки:

— Знаешь, это скоро кончится. Мы не сможем собираться как теперь. Всё изменится.

Н посмотрел на неё. Потом перевёл взгляд на парк, на деревья, на сцену, на ребят, которые ушли вперёд и уже кричали им, чтобы догоняли. Он ничего не ответил. Просто стоял и смотрел в пустоту — не испуганно, не грустно, а так, будто примерял её слова к реальности и не находил в них места. Он не воспринял их. Не захотел воспринять.

Катя вздохнула и пошла дальше. А через минуту Н встряхнулся, улыбнулся и побежал догонять остальных, будто ничего не было.

Прошло несколько дней. Парк был тем же, и компания почти той же, но что-то неуловимо изменилось — может быть, свет, который стал ниже и желтее, может быть, холод, который уже не просто бодрил, а заставлял прятать руки в карманы и ходить на месте.

Н опаздывал. Л и h пришли вовремя и теперь стояли с остальными у входа в парк, ждали. Родион что-то рассказывал — в этот раз без анекдотов, просто какую-то школьную историю про то, как их классная руководительница перепутала фамилии и вызвала к доске не того. Все смеялись. Л смеялся тоже, но краем глаза смотрел на дорогу — не идёт ли Н.

В этот раз к компании присоединилась Д. Она стояла чуть поодаль, рядом с подругами, и вроде бы была со всеми, но одновременно — сама по себе. Л ещё не знал её как следует — только то, что она из их класса, что она красивая и что Н иногда смотрит на неё дольше, чем на других. Он не говорил об этом, но Л замечал.

Наконец Н появился. Он шёл быстрым шагом, чуть запыхавшийся, и ещё издали махнул рукой.

— Простите, задержался у бабушки, — крикнул он.

— Опять, — хмыкнул h, но без злобы. — Вечно ты.

— Ничего не вечно, — Н улыбнулся и встал в круг. Он быстро оглядел компанию, заметил Д, и на секунду его взгляд задержался на ней. Она стояла, кутаясь в шарф, и смотрела куда-то в сторону, на голые ветки. Н хотел подойти — Л видел это по тому, как он чуть качнулся в её сторону. Но не успел.

— Ладно, — сказала Д, поворачиваясь к подругам. — Я пойду. Меня там ждут.

— Уже? — спросил Н.

— Ага. Дела.

Она махнула рукой — сразу всем, не выделяя никого, — и пошла по дорожке в сторону выхода. Н смотрел ей вслед. Л смотрел на Н. h смотрел в небо.

— Догоняй, — тихо сказал Л.

— Что? — Н обернулся.

— Ничего. Пошли.

Они двинулись дальше, вглубь парка. Н был тише обычного. Он всё ещё шутил, всё ещё поддерживал разговор, но в его молчании между фразами появилось что-то новое — не грусть, а задумчивость. Как будто он пытался что-то понять и не мог.

Позже, когда компания поредела и остались только свои, к Н подошёл Дима — невысокий, с вечно растрёпанными волосами. Он был из тех, кто был шумным, привлекал к себе внимание. Его семья жила небогато, он никогда не просил денег и редко рассказывал о доме. Он дружил с Н в то время, и они часто помогали друг другу.

— Н, слушай, — Дима немного нервозно бил рука об руку. — Ты говорил, у тебя есть чистые CD-карты?

— Есть. А что?

— Можешь мне одну записать? Ну, музыку какую-нибудь. А то у меня всё старьё, а новое скачать негде.

Н кивнул. Он знал, что у Димы нет компьютера, и что музыку тот слушает через старый мобильный телефон, который ему отдал старший брат. Дима никогда не жаловался, но Н понимал: просить карты — это для него почти просить деньги. Потому что они стоили денег, и Н знал, что Дима не может себе этого позволить.

— Я тебе так отдам, — сказал Н. — Просто так. У меня их много.

— Да ладно, я могу...

— Просто так, — повторил Н.

Дима помолчал, потом кивнул. Он не стал спорить — не потому что был гордым, а потому что умел принимать. Это тоже было редкостью.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Не за что. Я тебе ещё музыку запишу. Что хочешь?

— Что-нибудь... по новее, подрайвовее.

Н кивнул. Дима отошёл, и они с Л остались вдвоём у старой сцены. Солнце уже садилось, и тени от деревьев становились длиннее. Где-то вдалеке, за парком, зажглись первые окна.

— Ты чего такой? — спросил Л.

— Какой?

— Тихий.

Н пожал плечами. Он смотрел на сцену, на облупившуюся краску, на тёмное пространство под досками, где всё ещё торчал ржавый гвоздь. Потом перевёл взгляд на дорожку, по которой ушла Д.

— Как думаешь, — сказал он, — она специально ушла?

— Кто? Д?

— Ну да.

Л задумался. Он не хотел врать, но и не хотел ранить.

— Не знаю. Может, и правда дела.

— Может.

Н замолчал. Л видел, что он хочет сказать что-то ещё, но не решается. И тогда Л сказал то, что думал:

— Она на тебя смотрела. Когда ты подошёл. Мельком, но смотрела.

— Правда?

— Правда.

Н ничего не ответил, но уголки его губ дрогнули. Он не улыбнулся — скорее, позволил себе поверить. Хотя бы на минуту.

Уже в начале зимы, когда снег ещё не выпал, а мороз уже схватил землю и сделал её твёрдой, как камень, Н и Л гуляли по парку. Они были вдвоём — без большой компании, без шума. Так иногда случалось: после уроков все расходились, а они оставались. Не потому что договаривались — просто так выходило.

Они взобрались на горку. С высоты парк казался меньше, уютнее, как игрушечный городок. Они обсуждали, во что бы поиграли, будь у них мощный компьютер. Л перечислял стратегии — одну за другой, — и Н согласно кивал, добавляя детали: «Вот тут можно было бы фланговый обход сделать», «А вот тут — экономику прокачать». Они говорили об этом так серьёзно, будто планировали военную кампанию, и в этом была своя радость — чистая, мальчишеская, ещё не отравленная ничем.

Потом начало темнеть. Парк пустел. Последние прохожие ушли, и только один старый фонарь горел в центре аллеи, отбрасывая жёлтый свет на фигуру черепахи. Она стояла здесь с незапамятных времён — бетонная, с бледными узорами, с трещиной на панцире, — и была одной из достопримечательностей парка, наравне с пушкой в честь победы в Великой Отечественной и памятником, который разрушили, когда Н было три года.

Памятник был Ленину. Н помнил это смутно, обрывками, как помнят сон наутро. Тогда, в глубоком детстве, он слышал разговоры взрослых — они обсуждали снос, кто-то возмущался, кто-то пожимал плечами, кто-то говорил, что давно пора. Из этого хаоса слов Н вывел свою собственную истину: Ленин был первым человеком на земле. Как Адам. Он не знал, откуда это взялось, — может быть, слышал слово «вождь» и связал его с чем-то библейским, может быть, просто перепутал. Но долгое время он так и думал: Ленин — первый. А потом, когда стал старше и понял, что Ленин был не первым, а памятник ему снесли, он испытал

странное чувство: не разочарование, а лёгкую грусть. Как будто мир отнял у него не просто иллюзию, а целый кусок детства.

Он смотрел на черепаху. Она стояла под фонарём, и свет падал на её панцирь так, что трещина казалась живой — как будто черепаха медленно, очень медленно расползалась по швам. «Может, и мы так же, — подумал Н. — Стоим, и кажется, что ничего не меняется. А на самом деле — трескаемся понемногу. Только никто не замечает». Он не сказал этого вслух — тогда он ещё не умел произносить такое вслух. Просто стоял и смотрел.

Потом они спустились с горки и сели на качели. Те самые, старые, с облупившейся краской и скрипучими цепями. Качели качнулись — сначала робко, потом увереннее. Н молчал. Н тоже молчал. А потом сказал, глядя не на Н, а куда-то в темноту, где за деревьями уже не было видно ни черепахи, ни пушки, ни пустого постамента:

— Знаешь, я с самых ранних лет сидел на этих качелях. С одной подружкой.

Н качнулся рядом. Скрипнули цепи.

— С кем? — спросил он.

— Дарина. Мы были соседями. Ну, почти. Она жила возле моей бабушки. Мы вместе гуляли, вместе в парк ходили. Почти каждый день. Она садилась вот сюда, — Н хлопнул ладонью по сиденью рядом, — и говорила: «Давай выше». И я раскачивал.

— А потом?

— Потом она уехала. Честно, не знаю точно. Её родители в Европе работу нашли. Я тогда ещё не понимал, что значит «навсегда». Думал: ну, уехала и уехала. Вернётся. А она не вернулась. Мы переписывались какое-то время, а потом... — Н замолчал, подбирая слова. — Потом как-то не очень...

— Ты скучаешь? — спросил Н.

Н посмотрел на качели, на фонарь, на черепаху. Вздыхнул. Потом сказал:

— Да...

Н ничего не ответил. Он просто качнулся рядом — один раз, другой. Скрип цепей был единственным звуком в пустом парке. И в этом скрипе было что-то такое, что не требовало ответа. Н и не ждал его. Он просто сказал то, что было, — и слово повисло в холодном воздухе, как пар от дыхания. А потом растворилось.

Спустя полтора года всё изменилось.

Весной, Н заметил то, на что раньше не обращал внимания. Взрослые стали говорить тише. На кухне, за чаем, они обсуждали что-то, но замолкали, когда он входил. А потом по телевизору выступил глава региона, и голос у него был такой, будто он сам не верил в то, что говорил. Н смотрел на экран и впервые почувствовал: что-то надвигается. Что-то большое. Что-то, на что он может повлиять.

По региону объявили предупреждение, а через несколько дней — эвакуацию. Школу закрыли. Уроки оборвались на полуслове — никто не знал, вернутся ли они вообще. Взрослые говорили разное: одни утверждали, что это ненадолго и скоро всё уляжется, другие молча собирали вещи. Н принадлежал к тем, кто слушал молча.

Его отвезли на дачу — подальше от города, подальше от возможного конфликта. Дачей это место стало недавно: после смерти бабушки и дедушки по папиной линии там сделали ремонт, обновили стены, заменили мебель. Н было больно думать об этом. Он помнил, как пахло в старом доме — деревом, травами, чем-то родным, — и теперь этот запах исчез, выветрился вместе с теми, кто его создавал. Каждый раз, проходя мимо их комнаты, он отводил взгляд. Он не плакал — просто внутри что-то сжималось и долго не отпускало.

Дача стала островком. Маленьким, тихим, отрезанным от мира. Сюда не долетали новости, здесь не было школьного шума, парка, качелей. Только забор, старые яблони, огород, который никто не возделывал, и тишина — такая глубокая, что иногда казалось, будто она звенит.

Н сидел в своей комнате, смотрел в окно на голые ветки и думал: «Вот она, безопасность. Тихая. Пустая. Как склеп».

Он почти два года провёл здесь — без прогулок с друзьями, без живого общения, без остатка детства. Всё, что было раньше — парк, компания, смех, — осталось по ту сторону забора. По ту сторону времени.

Единственным, что связывало его с миром, был телефон. Он переписывался с h и Л. С К они тогда ещё не сильно общались — просто знали друг о друге как одноклассники, не больше. Но с h и Л переписка шла каждый день. Она была скупая, короткая, но в ней держалась жизнь.

Л: что думаете делать?

Н: нас завтра последний раз повезут в город. забрать вещи. потом — на дачу. будем ждать.

h: моим некуда ехать. так что мы тоже ждём. в городе. будьте на связи.

Л ответил не сразу. Он писал дольше, подбирая слова — Н видел, как индикатор «печатает» то загорался, то гас. Наконец сообщение пришло:

Л: мы эвакуируемся. по программе. куда — не знаю пока. родители решили. я с ними. это правильно. Прагматичнее, наверное, уехать. и вам советую. поговори с родителями. может, они передумают.

Н прочитал. Перечитал. Палец завис над экраном. Он набрал: «Я не могу. Здесь бабушка и дедушка. Я не могу их бросить». Потом стёр. Набрал снова: «Ты прав, но я не поеду». И тоже стёр. Он смотрел на мигающий курсор и не знал, как объяснить то, что сам не до конца понимал. В конце концов он написал коротко — так, как пишут, когда на длинное уже нет сил.

Н: я тебя понимаю. но мы остаёмся. будь на связи. где бы ты ни был.

Л ответил быстро:

Л: конечно. мы ещё соберёмся. все вместе. вот увидишь.

Н прочитал и ничего не ответил. Он смотрел на экран, пока тот не погас, а потом перевёл взгляд на окно. Там, за стеклом, темнело. Где-то далеко, в городе, стояла пустая школа. Где-то ещё дальше — парк с черепашей и качелями. А здесь, на даче, была только тишина и старые яблони, которые помнили бабушку и дедушку. И он сам. Пока ещё — сам.

За несколько лет Н успел возненавидеть дачу — и принять её. Это была ненависть не яростная, а тихая, как хроническая боль, к которой привыкаешь. Дача отрезала его от мира полностью. Не просто от школы или парка — от всего, что составляло его жизнь.

Именно здесь, в этой тишине, впервые начали зарождаться его мысли о серости. Но тогда они были другими — не такими, как позже, когда он стал Императором. Он не пытался пылающе разжечь серость, не искал врагов, не выстраивал стратегий. Он просто смотрел в окно на голые ветки и грустил. Пассивно. Тихо. Как человек, который видит болезнь, но ещё не знает, как её лечить — и можно ли вообще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.